

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:
Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 2-80-42
3-18-42

ЦЕНА НУМЕРА в Москве и провинция 35 коп.

№ 21

2 июня 1925 г.

№ 21

Три с'езда.

... Сущность в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем".

В. И. Ленин.

Закончена работа трех С'ездов.

Меньше чем за месяц времени перед нами прошли XIV-я Всесоюзная Конференция Коммунистической Партии и XII-й Всероссийский и III-й Всесоюзный С'езды Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

На этих с'ездах было сделано несколько докладов, произнесено было много речей, принят целый ряд резолюций по важнейшим вопросам как нашей общей политики, так и повседневной практической жизни.

Эти доклады, речи и резолюции каждому партийному и советскому работнику придется основательно изучить для того, чтобы понять, как дальше продолжать возложенную на него работу, в чем эта его работа подлежит исправлению и как ее приспособить к новому курсу, принятому этими с'ездами.

Резолюции с'ездов далеко недостаточно прочтены. Они для этого слишком сложны. Их нужно изучать с большой усидчивостью и сопоставляя их одну с другой.

В основании всех принятых решений, в общем счете отвечающих решительно на все могущие нас интересовать большие вопросы современного момента, безусловно лежат резолюции, принятые XIV-й Партконференцией.

Уже тов. Сталин в своем докладе активу Московской организации РКП, сделанном 9-го мая и выпущенном небольшой брошюрой Государственным Издательством, и т. Зиновьев на заседании фракции Всесоюзного С'езда Советов 19-го мая отметили основные мысли, красной линией

проходящие через все резолюции, и подчеркнули наиболее существенные выводы, которые можно сделать из них.

Эти два доклада облегчают возможность изучения того богатого и крайне необходимого нам, практическим работникам, материала, который содержится в постановлениях указанных с'ездов.

Исключительно большое и непосредственное для нас значение имеют те из обсуждавшихся на с'ездах вопросы, которые касаются, как выразился т. Сталин, судеб социализма в нашей стране в связи с нынешней международной обстановкой, и те вопросы, которые имеют отношение к нашей политике в деревне и к ставшим перед нами новым задачам в виду создавшихся в деревне в громадной степени новых условий.

Тов. Сталин с максимальной ясностью поставил вопрос о том, какие новые моменты можно было бы отметить в деревне в связи с новой обстановкой внутреннего и международного положения, и с немалой ясностью отметил четыре таких новых момента, четыре новых основных факта.

Их полезно целиком и буквально воспроизвести:

„1) Изменение международной обстановки и замедленный темп революции, диктующие выбор наименее болезненных, хотя бы и длительных, путей для приобщения крестьянства к социалистическому строительству, для строительства социализма вместе с крестьянством; 2) хозяйственный рост деревни и процесс расслоения крестьянства, требующие ликвидации пережитков военного коммунизма в деревне, 3) политическая активность крестьянства, требующая изменения старых методов руководства и администрирования в деревне; 4) переформирование Советов, вскрытие ст

несомненный факт, что в целом ряде районов нашей страны середняк оказался на стороне кулака против бедняка».

Достаточно сформулировать эти четыре новые обстоятельства для того, чтобы легко можно было понять те основные задачи, которые стали перед нами и которые с исчерпывающей полнотой разработаны в резолюциях наших последних съездов; если сложить их вместе, они дают ключ к разрешению основной проблемы современной советской действительности—тесно сомкнуться с массой крестьянства, поднять ее материальный и культурный уровень для того, чтобы с этой массой двинуться вперед к завоеванию социализма.

Это—основная из всех основных задач, если угодно,—своего рода резюме всех этих задач.

С какой бы стороны мы ни подошли к резолюциям только-что закончившихся съездов, мы найдем в них то, что каждого из нас непосредственно в нашей практической работе интересует.

Немало ценнейших мыслей и непосредственных поручений получили от этих съездов, в частности, и мы, работники советской юстиции.

В первый раз на Партийном съезде или конференции поставлен был общий доклад о революционной законности.

Глубоко принципиальное для нас значение имеет тот факт, что, заслушав доклад о революционной законности, конференция признала, что „интересы пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой Партии требуют максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти“.

Не менее принципиальное значение имеет для нас и тот факт, что конференция постановила одобрить инициативу ЦКК по постановке этой задачи, как одной из основных задач, стоящих в настоящий момент перед советской властью, и поручить ЦК и ЦКК разработать все необходимые организационные мероприятия для укрепления революционной законности в стране.

Как нельзя более кстати докладчик по вопросу о революционной законности на Союзной партконференции тов. Сольц напомнил всем нам, как относился к этому делу Владимир Ильич.

Что говорил Владимир Ильич на XI-м Съезде партии?

„Надо сделать так, чтобы простому рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение, и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения—бывали, несомненно, улучшения и очень крупные—был связан с издевкой, с над-

ругательством, с издевательством над мужиками, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет“.

Что говорил Владимир Ильич на заседании Московского совета в том же 1922 году, возвращаясь к этому же вопросу?

„Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, тогда ускорение этого движения будет такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем“.

Наконец, Владимир Ильич к этому вопросу опять возвращается и в своей хорошо известной записке на имя т. Сталина о прокурорском надзоре, которая воспроизведена была на страницах „Еженедельника Советской Юстиции“ пару недель тому назад.

„Нет сомнения, что мы живем в мире незаконности, и что местное влияние является одним из величайших, если не величайшим, противников установления законности и культурности“,—писал Владимир Ильич в этой записке.

Когда речь шла о создании контрольных комиссий в нашей партии, Владимир Ильич выдвинул три основных задачи: совершенствование аппарата, заботу об единстве партии и борьбу с самоуправством и злоупотреблениями власти.

Товарищ Сольц в своем докладе очень удачно привел несколько разительных фактов того самоуправления и того злоупотребления властью, которые и составляют ту издевку над широкими массами трудящихся, о которой говорил тов. Ленин в вышеприведенных цитатах, а трудящиеся массы у нас, несомненно, уверены, что мы, советская власть, должны и можем обеспечить соблюдение революционной законности, о которой Владимир Ильич, как мы только-что указали, совершенно не случайно упоминает рядом с культурностью. Укрепление революционной законности есть одно из категорических условий общей культурности.

Всем нам уже известно, какое советское проявление получила принятая на Партконференции резолюция о революционной законности.

В постановлении III-го Съезда Советов СССР по вопросам советского строительства (по докладу М. И. Калинина) есть целый абзац (IV) „О твердом проведении революционной законности“. Съезд, во-первых, признал одной из важнейших задач обеспечение правильного проведения в жизнь советских законов, а, во-вторых, не только наметил ряд мероприятий по борьбе с нарушениями советской законности, но и поручил Президиуму ЦИК разработать и провести в жизнь порядок,

обеспечивающий ознакомление населения с законами и с формами обжалования незаконных действий властей.

Здесь мы находим усиление борьбы с административным произволом, грубым и невнимательным отношением к гражданам; вовлечение при перевыборах судов в их состав, а также в состав народных заседателей, беспартийных активных крестьян из бедняков и середняков; расширение и укрепление правильной работы прокуратуры и организацию выездных сессий суда с разбором ими в первую очередь дел о злоупотреблениях должностных лиц. Здесь мы встречаем и ограничение административных штрафов как в городах, так и в селениях только определенными размерами и случаями, устанавливаемыми в законодательном порядке, и ограничение конфискации по суду имущества, а также продажи имущества за неплату налогов, штрафов и т. п.

Как видит читатель, этот абзац постановления III-го Союзного Съезда Советов для нас, работников-практиков советской юстиции, представляет из себя ни что иное, как программу ближайших действий.

В частности, в области суда, если мы уже до Съезда подняли большую кампанию по линии состава суда и нарзаседателей, равно как и по линии выездных сессий, о которых специально говорит постановление Съезда, то сейчас нам нужно удвоить, утроить, удесятерить свою работу в этом направлении и сюда преимущественно направить нашу энергию.

Кампанию перевыборов нарзаседателей с широким привлечением крестьян и женщин мы начали во-время, но результат этой кампании нами еще не учтен. Его необходимо возможно скорее учесть, учесть очень тщательно и одновременно по двум отдельным руслам: в городе и в деревне, а в дальнейшем углубить работу в том же смысле непрерывного вовлечения в судебную деятельность широчайших масс трудящегося населения страны.

Фабрика и деревня, молот и плуг должны и могут одни только определить характер и содержание нашей судебной работы.

В меньшей степени необходимо учесть и изучить постановку выездных сессий, особенно народного суда, которые, с одной стороны, приближают суд к рабоче-крестьянскому населению, с другой—популяризируют среди него не только

самый суд, к которому необходимо вызвать безусловное доверие широчайших масс населения, но и советское законодательство, непосредственно знакомя фабрику и деревню с содержанием наших законов.

Привлечение крестьян в качестве нарзаседателей и организация выездных сессий для преимущественного разбора дел о злоупотреблениях административных лиц—эти две задачи в самой решительной форме поставлены перед нами постановлением Съезда Советов. За выполнение этих задач надо немедленно приняться и приняться весьма энергично. Вопрос о выездных сессиях—вопрос трудный, ибо он связан с материальными затруднениями, но наличие этих затруднений ни в малейшей степени не освобождает нас от обязанности исполнить данную нам директиву. Взявшись за дело со всей свойственной нам энергией, основательно засучив при этом рукава, мы справимся, несомненно, и с этой задачей, несмотря на все, временами более чем серьезные, затруднения.

Эти две задачи, будучи первоочередными, не являются, однако, исключительными.

Многие другие задания, целый ряд других заданий встали перед нами в связи с новым курсом в деревне.

Ознакомившись подробно с резолюциями съездов, изучив их с точки зрения тех общих директив, которые даны на XIV Партконференции, каждый работник советской юстиции в отдельности, каждый пленум губернского суда, каждое уездное совещание, каждый губернский съезд судработников сумеет и должен будет поставить перед собой вопрос, что еще от него требуется для выполнения в области революционной законности воли нашей партии и последних наших съездов.

А поняв, что нужно делать, мы, несомненно, сумеем исполнить предъявленное требование; мы сумеем наметить программу дальнейшей работы, и общими силами мы справимся с новыми задачами и со своей стороны, как судработники, внесем нашу серьезную лепту в разрешение общей большой и основной проблемы советской, общественной жизни, которая, по определению т. Сталина, сводится к тому, чтобы тесно сомкнуться с широкой массой многомиллионного крестьянства, ибо глубоко прав т. Ленин, что „сущность в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем“.

Наш Гражданский Кодекс перед судом сравнительного правоведения.

При Лионском университете есть знаменитый институт сравнительного правоведения, издающий под редакцией таких авторитетов, как профессора Эдуард Ламбер, Морис Пикар и Пьер Гарро, серию иностранных кодексов и работ по сравнительной юриспруденции.

Сейчас институт издал французский перевод нашего Гражданского Кодекса и Кодекса законов о семье, браке и опеке, предпослав им обширное, критическое введение директора института, европейски известного ученого Эдуарда Ламбера. Это введение настолько интересно, что с ним не мешает познакомиться и русским читателям.

Ламбер подходит к нашему Кодексу без официозного восторга, но и без озлобленного классового недоброежелательства.

Он пытается оценить его с точки зрения современного состояния науки гражданского права и оттенить его особенности и его заслуги по сравнению с кодексами других стран.

Свою общую оценку Гражданского Кодекса проф. Ламбер начинает со следующего замечания:

„Ценность его с редакционно-технической стороны находится в редком несоответствии с социологической ценностью его содержания. Несовершенство формы, которым отличается Кодекс, находит достаточное объяснение и извинение в той лихорадочной быстроте, с которой советские кодексы были созданы, ибо их немедленное введение в действие было в 1921—1922 году существенным условием для восстановления хозяйства страны и для возрождения торговых отношений со странами, которые остались верны индивидуалистическому капитализму“.

„Ибо—замечает дальше проф. Ламбер—политика реконструкции русской экономики, которую провозгласил Ленин на IX Съезде Советов—31 декабря 1921 г.—Н. Э. П.—имела шансы на успех только в том случае, если она сопровождалась немедленным восстановлением обеспеченности юридических отношений“.

Отметив далее основные этапы нашего законодательства, предшествующие изданию Гражд. Кодекса, Э. Ламбер переходит к характеристике редакционных особенностей нашего Кодекса, поскольку они являются не результатами технических промахов, а выражением известной принципиальной тенденции.

Автор указывает, что законодательствам Запада был всегда присущ известный изотеризм, стремление облекаться в формы, непонятные непосвященным.

Юристы создали себе особый условный язык, который сделал их работу, в том числе и законы, как ее продукт, почти недоступными контролю публики.

„Советские кодексы в общем характере своей редакции обнаруживают желание их авторов порвать с этой традицией, с этим стремлением изолировать юридическую науку стеной абстракции,

стремлением, получившим свое высшее выражение в германском гражданском кодексе 1896 г.“.

В качестве другой особенности наших кодексов проф. Ламбер отмечает ту смелость, с которой наше законодательство подошло к разрешению проблемы о взаимоотношении между законом и свободой судейской совести.

Отмечая необыкновенную пластичность наших законодательных норм и простор, который они предоставляют для судебного творчества судей, проф. Ламбер делает следующее не лишнее глубины замечание:

„Советы могли предоставить большую, чем где бы то ни было, свободу творчества судьям, потому что им не приходилось бояться, что из этого произтекут конфликты между политикой законодателя и политикой судей, вроде тех, что возникли в последние годы в Сев.-Амер. Соединенных Штатах“. Участие народного элемента во всех судах, весьма непродолжительный срок полномочий у судей, личный состав последних,—все это является гарантией того, что „судебная практика будет воодушевлена тем же стремлением к социализму, как и законодательство, и не скомпрометирует своими уклонами единства и мощи нового революционного законодательства“.

После ряда интересных замечаний относительно взаимоотношений между беспорным административным и судебным порядками автор переходит к пресловутому принципу свободы договоров и его ограничениям в советском Гражданском Кодексе.

Проф. Ламбер вспоминает о том вопле, который подняли русские белогвардейцы, по статьям которых Запад впервые знакомился с нашими кодексами, по поводу посягательств на свободу договоров, которая содержится в нашем законодательстве. Проф. Ламбер совсем не разделяет мнения проф. Нольде и его присных, согласно которому точка зрения советского кодекса на свободу договоров находится в непримиримом противоречии с теорией и законодательствами Запада.

„Правило, формулированное в ст. 1134 нашего гражданского кодекса,—пишет проф. Ламбер,—согласно которому „законно-заключенные договоры имеют между сторонами силу закона“, это правило, начиная с последней четверти 19-го века и до наших дней, имело все более ограниченную сферу применения“.

Целый ряд отраслей хозяйственной жизни, доселе свободных, как, напр., аренда недвижимости, перешли, как во Франции, так и в Англии и Германии, за военные и довоенные годы в сферу государственного регулирования.

Но еще более страшного врага свобода частных соглашений встретила в выросшем в тиши в большую силу праве профессиональных организаций.

Советское право завершило тенденцию западных законодательств перенести договор личного

найма из области свободных соглашений в сферу принудительного профессионального регулирования.

Советское законодательство в своем Кодексе законов о труде и в ряде специальных законов сделало из профессиональных союзов колеса нового юридического механизма и сделало из них настоящие органы публичного права.

Другой особенностью советского Гражданского Кодекса является особое юридическое положение, которое он гарантирует кооперативам. „Он делает из них юридических лиц с большими правами, чем права физических лиц“. Кооперативной собственности отводится правовое положение, среднее между государственной или коммунальной и частной собственностью, но более близкое к первой, чем ко второй.

Дав сжатый обзор тех факторов, которые и на Западе минируют сразу со всех сторон принцип свободного соглашения, проф. Ламбер в заключение этой главы говорит, что „русские кодексы с их смелостью и решительностью бросают новый свет на наиболее трудные и запутанные проблемы, связанные с учением об источниках права. Продукты веры и революционного действия, они стимулируют и возбуждают динамические факторы юридической эволюции, освобождая их от груза статистических факторов, который у нас их парализует“.

Переходя к анализу отдельных постановлений нашего Кодекса об обязательствах, возникающих из договоров и из причинения вреда, проф. Ламбер отмечает ст. 1-ую Гражданского Кодекса, при чем считает, что сформулированный в ней принцип имеет определенные корни во французской юридической литературе, в частности, в трудах известного ученого Леона Дюги.

Директор института сравнительного правоведения в ходе дальнейшего изложения энергично полемизирует с эмигрантским профессором Б. Нольде, защищая от его нападок как ст. 403 нашего Гражданского Кодекса, об обязанности каждого возместить ущерб, причиненный его действиями, независимо от наличия вины (принцип об объективного вменения), так и в особенности ст. 30-ую того же Кодекса.

В противовес lamentациям Б. Нольде о „зловредном“ характере этого закона проф. Ламбер своевременно напоминает, что даже ст. 1133 французского гражданского кодекса объявляет сделку незаконной, если она противоречит „общественному порядку“ и „добрым нравам“.

Действительно, сходство с постановлением ст. 30-й нашего Гр. Кодекса здесь совершенно очевидно.

Заканчивая общую характеристику Гражданского Кодекса, проф. Ламбер пишет:

„Кроме глав, посвященных вещному и наследственному праву, которые воплощают в себе тенденции к примирению между идеалами коммунизма и требованиями новой экономической политики, в остальном Гражданский Кодекс чертит арабески, иногда очень смелые, а иногда и по классическим образцам, по кавве, которую ему дала наша традиционная сравнительная юриспруденция“.

Наше законодательство о браке, отношениях детей к родителям, опеке и т. д. встречает также со стороны проф. Ламбера самую положительную оценку.

В этой области наше законодательство еще более решительно воплощает в жизнь наиболее прогрессивные тенденции в эволюции права на Западе.

Статья Э. Ламбера заканчивается следующими словами:

„Русские кодексы являются не картинами будущего, как в романах Уэллса, а правом, уже действующим полностью на обширной территории.“

Это право отличается от нашего как смелостью своих формул, так и теми политическими целями, которые оно преследует. Но тем не менее большая часть его конструкций, взятых в отдельности, представляют собой продукты свободного и законченного развития популярных концепций законности, которые с каждым днем шаг за шагом толкают вперед наше законодательство и нашу традиционную юриспруденцию.

Советские кодексы так же открывают нам широкие перспективы развития наших капиталистических законодательств, как законодательство Великой Французской революции открыло английским и немецким юристам конца 18-го века те пути, по которым должна была пойти эволюция их национальных законодательств в 19-ом веке.

Эти кодексы—то магическое зеркало, в котором искусленный взор историка права уже видит основные линии, по которым пойдет развитие того нового правового режима, на путь к которому непреодолимые силы социального развития толкают все цивилизованные народы“.

Как видит читатель, оценку, которую институт сравнительного правоведения дает нашим кодексам, нельзя не признать весьма лестной.

Позволительно усомниться только в одном: вряд ли когда-нибудь эволюция кодексов буржуазных стран приведет их к нормам нашего права.

Для этого эволюция права должна пройти через революцию общественных отношений.

Но тогда и западные кодексы не будут больше кодексами капиталистических стран, а будут воплощением законодательства эпохи диктатуры пролетариата.

С. Членов.

Париж, 11 мая 1925 г.

Необходимо установить уголовную ответственность клиентов банков по ссудным операциям.

Выдача ссуд под залог товаров является одной из основных банковских операций.

Эта операция имеет тем большее применение и значение, чем слабее в торговом обороте кредитная дисциплина, ибо только при наличии последней возможно расширение кредита под иное обеспечение, в частности, в форме учета векселей.

Подтоварный кредит имеет при определенной экономической ситуации еще и другое значение: в периоды депрессивного состояния рынка он дает возможность промышленным предприятиям получать оборотные средства путем предоставления банку в залог трудно реализуемых в данное время товаров, не прибегая к резкому сокращению производства; а в случаях уменьшения по каким бы то ни было причинам торговых сделок в кредит, товары являются почти-что единственным обеспечением открываемого банком кредита.

В начале деятельности наших банков, совпавшей с проведением новой экономической политики, подтоварные ссуды играли в общей системе кредита первостепенную роль, мало-по-малу, с ростом промышленности и укреплением оборота, уступая свое место другим формам банковского кредитования. Но и в настоящее время товарные операции банков имеют довольно широкое распространение, и товары являются одним из важнейших видов обеспечения.

Между тем, по целому ряду вопросов, возникающих в связи с подтоварным кредитом и по поводу него, не существует основанной на законе или авторитетном разъяснении единой и строго определенной точки зрения, вследствие чего эти вопросы получают на практике не всегда одинаковое и правильное разрешение.

В частности, вызывает недоразумения и различные толкования вопрос о пределах ответственности клиентов банка за невыполнение ими взятого на себя обязательства о сохранении в целостности оставленного у них и служащего обеспечением ссуды имущества.

Излишне доказывать, что правильное разрешение этого вопроса имеет для кредитных учреждений немаловажное значение, и поэтому освещение его в юридической печати пишущий эти строки считает весьма полезным.

Заклад товаров или иного имущества в обеспечение банковской ссуды не предполагает и не влечет за собою обязательного принятия их банком на свои склады; довольно часто банк в соответствии со ст. 92-й Гражданского Кодекса оставляет предоставленное ему в залог имущество на хранение у должника, отбирая у последнего надлежащей формы сохранную расписку.

Какие же последствия возникают для должника, если он оставленное у него банком-залогодержателем имущество не сохранит, а до погашения ссуды продаст с обращением вырученной суммы в свою пользу и, во всяком случае, не на покрытие задолженности банку?

Некоторые склонны думать, что подобные действия должника порождают исключительно материальную ответственность его, подлежащую установлению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Нам представляется, что такой принципиальный взгляд на рассматриваемый случай не может претендовать на правильность ни с точки зрения интересов банка и торгового оборота, ни с точки зрения духа и смысла действующего законодательства.

В самом деле, если в обеспечение выданной ссуды банк счел необходимым получить некий товарный фонд, то, видимо, он признавал его неотъемлемым условием кредитования и нужной для себя гарантией. Какая же гарантия имеется у банка, если он по целому ряду причин не может принять служащее залогом имущество на свои склады? Очевидно, что одна только материальная ответственность должника в данном случае недостаточна, ибо эта ответственность имела бы место, если выдача ссуды не сопровождалась бы предоставлением обеспечения.

С другой стороны, освобождение недобросовестного клиента банка, будь то частное лицо или должностное лицо госучреждения, от уголовной ответственности за распродажу заложенного банку имущества отнюдь не будет содействовать укреплению кредитной дисциплины, столь необходимой для нормального и здорового торгового оборота, а напротив, не ставит этому клиенту никаких преград в его стремлении обогатиться за счет банка.

Только тогда, когда должник не будет иметь права отчуждать заложенное банку имущество под страхом уголовной кары, банк сможет развивать свои операции в означенной и, как указано выше, ныне довольно распространенной форме. В противном случае банку волей-неволей придется воздерживаться от выдачи ссуд под товары в тех случаях, когда последние невозможно принять на склады банка. А такая вынужденная политика банка, очевидно, очень неблагоприятно отзовется на торговом обороте, в значительной мере питаемом банковским кредитом.

Таким образом, и материальные интересы банка и насущные потребности оборота нуждаются в уголовной защите против недобросовестных клиентов кредитных учреждений.

Но помимо изложенного освобождение залогодателя за подобные указанным действия от уголовной ответственности не находит себе оправдания и основания в действующих узаконениях.

Правда, в нашем уголовном законодательстве не имеется специальных норм, предусматривающих общую ответственность залогодателя за сохранение заложенного имущества или частную— в отношении залогодателя-клиента банка. Но этот пробел не может почитаться основанием для признания, что в указанных действиях должника бан-

ка не заключается состава преступления, ибо уголовная ответственность такого должника вытекает из юридической природы взаимоотношений залогодержателя и залогодателя, аналогичные которым при их нарушении предусмотрены Уголовным Кодексом, и из имеющего с рассматриваемым вопросом соприкосновение декрета о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа (постан. ВЦИК и СНК от 10/X—23 г.).

Статья 3-я указанного декрета запрещает покупателю имущества с рассрочкой платежа под страхом уголовной ответственности „перепродавать, закладывать или другим каким-нибудь способом передавать третьим лицам это имущество“ до уплаты продавцу полной стоимости последнего.

Покупатель является собственником купленного с рассрочкой платежа имущества. Это положение бесспорно: 1) право собственности приобретателя вещи возникает или с момента совершения договора, или с момента передачи приобретенной вещи (ст. 66-я Гр. Код.), и 2) это право остается в силе и по отношению к имуществу, купленному с рассрочкой платежа, так как в противном случае было бы излишним указание закона о лишении покупателя права распоряжения, обладаемого только собственником. Таким образом, надлежит признать, что взаимоотношения покупателя и продавца при купле-продаже с рассрочкой платежа представляют из себя взаимоотношения залогодержателя и залогодателя. Покупатель приобрел имущество и является собственником последнего; но он обладает только правом пользования и владения им, а не правом распоряжения, так как приобретенное имущество служит обеспечением (залогом) долга продавцу.

А если так, если залогодатель по договору купли-продажи с рассрочкой платежа несет уголовную ответственность в случае отчуждения им служащего обеспечением долга имущества, то нет ни логического, ни юридического основания освобождать от такой ответственности залогодателя клиента банка.

Таковыми клиентами могут быть: 1) частные лица и 2) государственные и общественные учреждения. Рассмотрим эти два случая в отдельности.

Выдача ссуды основана на двустороннем договоре, по которому банк-госучреждение передает клиенту деньги, а последний обязуется возвратить полученную сумму с процентами. Возвращение денег банку представляет из себя основное обязательство заемщика по договору ссуды, а если ссуда выдана под обеспечение, остающееся на сохранении у заемщика, то вторым обязательством последнего по указанному договору будет хранение залога в целости впредь до исполнения им основного обязательства. Что представляет из себя отчуждение частным лицом-клиентом банка оставленного у него на хранении залога-обеспечения ссуды? Несомненно, что такие действия клиента есть неисполнение им обязательства по договору ссуды, притом действия, заведомо недобросовестные по отношению к госучреждению и, следовательно, подходящие под юридические признаки

ст. 130-й Уголовного Кодекса. Ведь нет никаких оснований думать, что по этой статье может быть квалифицировано злостное неисполнение контрагентом госучреждения обязательств только по договору поставки или подряда, а не по договору ссуды.

Нам поэтому представляется бесспорным, что частное лицо, продавшее предоставленное банку в обеспечение выданной ему ссуды имущество, во-первых, подлежит за это деяние уголовной ответственности, а, во-вторых, именно, по ст. 130-й Уголовного Кодекса.

Подлежат ли уголовной ответственности должностные лица государственных и общественных учреждений, совершившие те же действия, т. е. не сохранившие в целости имущество, заложенное клиентом банка-учреждением и оставленное у последнего под сохранную расписку?

Нам думается, что и здесь двух мнений быть не может. Всякое действие или бездействие почитается преступлением в силу наличия в нем указанных в ст. 6-й У. К. признаков, но отнюдь не в зависимости от субъекта его. Не может одно и то же действие признаваться преступным и подлежащим преследованию в уголовном порядке, если оно совершено частным лицом, и не заключающим в себе состава преступления, если оно совершено должностным лицом государственного или общественного учреждения.

Здесь вопрос заключается только в том, как надлежит квалифицировать действия должностного лица, выражающиеся в продаже заложенного банку имущества с обращением вырученной суммы в пользу представляемого им учреждения. Должностное лицо, естественно, не может быть привлечено по ст. 130-й У. К., а подлежит ответственности, как за должностное преступление, по нашему мнению, по ст. 105-й Уголовного Кодекса, если, конечно, в действиях этого лица не заключается элементов присвоения заложенного банку имущества.

Между тем, как указано выше, в судебной практике имеют место случаи, когда надлежащие органы не усматривают (принципиально) в описанных выше действиях должностных лиц признаков уголовно наказуемого деяния и притом даже тогда, когда эти действия были направлены в ущерб Госбанку, в отношении коего циркуляром Н. К. Ю. и Верхсуда за № 51 („Е. С. Ю.“ № 11 за 1923 г.) признано, „что целый ряд важнейших операций Госбанка, имеющих первостепенное значение для всего народного хозяйства Республики, как, например, выпуск банкнот, осуществим лишь при условии аккуратного поступления в банк платежей в деньгах и в товарах по выданным клиентами обязательствам“.

Вот почему мы считаем весьма важным и не терпящим отлагательства преподание Прокуратурой Республики и Верхсудом судебно-следственным органам надлежащих указаний по изложенному вопросу.

М. Зельдович.

Ст. 24. Угол. Кодекса.

Ст. 24 УК намечает тот путь, по которому судья должен направить свою мысль для того, чтобы, руководствуясь основными положениями и принципами судебной политики пролетарской власти, определить по делу правильный приговор. Учитывая, что в основу советской судебной политики положено начало социальной опасности, от правильной оценки которой и зависит постановление правильного приговора, ст. 24 УК и обязывает судью при определении меры наказания: 1) выяснить обстановку преступления; 2) выяснить личность преступника и 3) выяснить опасность преступления в данных условиях времени и места; т.е. обязывает судью выяснить те положения, которые облегчают оценку степени и характера опасности преступления и преступника.

Практика кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР решительно проводит ту мысль, что неправильные приговоры, что решения, чуждые классовым целям пролетарской власти, имели место именно в тех делах, где судья, игнорируя указания ст. 24 УК, определял меру социальной защиты произвольно.

Не только для судов первой инстанции ст. 24 УК „служит ориентировкой в вопросах уголовного права“, но и кассационные инстанции, проверяя меру социальной защиты, определенную судом 1-й инстанции, оценивая ее с точки зрения соответствия принципам пролетарской судебной политики, для правильного вывода, для правильной оценки должны свои выводы и оценку производить соотносясь с директивами ст. 24 УК, ибо только при этом условии может получиться решение, соответствующее пролетарскому правосознанию.

1. Обстановка совершенного преступления.

При определении меры социальной защиты, судья обязательно должен иметь в поле своего обсуждения не только существо преступления, не только его свойства, но выяснить, принять во внимание и учесть: 1) всю ту совокупность отдельных социальных и экономических факторов, обуславливающих причины преступления, и 2) все те об'ективные условия, при которых преступление было совершено.

Условия совершения преступления и факторы преступления, как продукта общественных отношений в классовом обществе, неодинаковы, имеют разные основания и предпосылки; неодинаков, следовательно, должен быть и подход судьи к преступлениям: определяя меру социальной защиты, он, соотносясь с тем или иным фактором преступления, учитывая об'ективные условия его совершения, предъявит к осужденному большие или меньшие требования.

а) Исходя из изложенного положения, преступления, совершенные не в силу

классовой ненависти, а совершенные в среде крестьянства и пролетариата, где такие экономические факторы, толкающие на преступление, как материальная необеспеченность, безработица, нужда и голод, и такие социальные факторы, порождающие преступление, как культурная отсталость и темнота, как невежество и пьянство, наследие буржуазной России, еще не изжиты; где, наконец, имущественные отношения и семейные предрассудки и традиции уничтоженной царской России, как условия, влияющие на возникновение преступлений, имеют еще глубокие корни, при правильной их оценке должны вызвать со стороны судьи определения осужденному меры социальной защиты исправительно-воспитательного характера; за исключением, конечно, тех случаев, когда совершенное преступление является особо-социально опасным для Республики трудящихся или когда совершивший преступление рабочий или крестьянин будет признан судом преступником особо опасным, требующим в интересах пролетарского класса в целом применения суровой меры защиты.

б) Совершенно иной подход, при котором не могут иметь места меры исправительного или воспитательного воздействия, должен проявить судья, правильно усвоивший и правильно понимающий принципы нашей судебной политики, тогда, когда преступление совершено под влиянием „классовой ненависти, классовой психологии или прежних классовых навыков и когда, сознательно нарушая закон пролетарского государства, совершивший преступление стремится восстановить или приобрести какую-либо привилегию, уничтоженную Октябрьской революцией“¹⁾.

В этом случае при правильной оценке судья определит ту меру социальной защиты, которая будет иметь в виду „не исправление и воспитание чуждого пролетариату по духу преступника, а ограждение государства и общества от особо социально-опасных элементов“²⁾.

в) Особое значение пролетарская власть придает тем преступлениям, которые совершены в области советского строительства.

Стремясь укрепить свой государственный аппарат вообще, в частности, стремясь создать в нем несокрушимую экономическую базу, по линии которой развивается и идет классовая борьба пролетариата и буржуазии и на основе которой зиждется революционный союз пролетариата и крестьянства, пролетарская власть борется суровыми мерами со всеми, кто своими преступными действиями тормозит работу и укрепление государственного аппарата, подрывает доверие к нему, наносит ему материальный ущерб.

Однако, и в этом случае было бы неправильно все эти преступления подводить под одну мерку, расценивать одинаково; совершенные в недрах

¹⁾ См. революцию В'езда деятелей советской юстиции.

²⁾ Там же.

государственного аппарата пролетарской власти, они тем не менее имеют разные корни и условия, разные последствия; совершая их они лицами разного социального положения. Несомненно, следовательно, должен быть и подход судьи к этим преступлениям.

Совершенно очевидно, что к тем преступлениям, которые вызваны неопытностью рабочего или крестьянина, работающих в государственном аппарате, и когда причиненный ущерб, хотя и значительный, являясь результатом не корыстных стремлений должностного лица, а следствием либо его добросовестного заблуждения, либо объективных условий работы, и, наконец, когда совершенное корыстное преступление не наносит значительного ущерба и не подрывает командных высот советской власти, судья должен относиться менее строго, определяя минимальную меру репрессии и используя все возможности ее комбинирования.

Совершенно иной подход должны вызвать у судьи те преступления в области советского строительства, которые совершены под влиянием: 1) прежних навыков и психологии бывших чиновников, служащих в советских учреждениях, 2) когда причиняемый вред значителен и является результатом корыстных или личных стремлений отдельных разложившихся должностных лиц, 3) когда преступление имеет своей обстановкой ту экономическую базу, на которой зиждется классовая борьба, 4) когда преступление вызвано стремлением представителей частного капитала расширить сферу своей экономической деятельности или нажиться путем недобросовестных по отношению к государству хозяйственных действий, 5) когда преступление совершено в деревне и, совершая корыстное или, вообще, серьезное преступление, должностное лицо подрывает доверие к власти со стороны крестьянства, союз с которым является залогом победы революции, 6) когда, наконец, преступление, совершенное в Красной армии, подрывает военную силу пролетарского государства.

Подобные преступления, угрожающие интересам рабочего класса и крестьянства в целом, колеблющие самую основу советской власти, должны вызвать и суровую оценку судьи.

II. Выяснение личности преступника.

Судья не сможет вынести правильного решения, пока он внимательно и тщательно не выяснит, кого судит, что из себя представляет подсудимый, т. е. тех обстоятельств, которые необходимы для определения степени социальной опасности преступника. При этом, однако, судья должен помнить, что интересы пролетарского класса в целом при всех условиях и обстоятельствах всегда должны превалировать над интересами отдельной личности, к этому классу принадлежащей.

Выяснение личности преступника по требованию ст. 24 УК должно иметь характер не по-

верхностного, анкетного выяснения, а судья обязан подробно и внимательно выявить: 1) социальное состояние подсудимого, 2) его деятельность и образ жизни в прошлом и в данное время, 3) его умственный и нравственный уровень.

а) Мера социальной защиты обязательно должна сообразоваться с принадлежностью подсудимого к тому или иному классу (исключение: преступления, направленные против пролетарского класса в целом), так как это обуславливает воспитание подсудимого, его культурность и сознательность, его материальную обеспеченность, его быт; в связи с этим ему надлежит предъявлять повышенные (представитель имущего класса) требования или пониженные (рабочий, крестьянин) требования. С этой точки зрения важно выяснить не столько классовое происхождение подсудимого, сколько его классовое положение в настоящее время. Совершенно ясно, что пролетарий сознательным классовым врагом своему пролетарскому государству быть не может, между тем, как лица по своему классовому положению—ныне представители имущего класса, хотя бы и происходящие из рабочих или крестьян, несомненные враги пролетариата (под представителей имущего класса нельзя в этом случае подводить тех трудящихся, кои под влиянием безработицы вынуждены были заняться не производительным и не общественно-полезным трудом, как, например, сокращенный рабочий занялся торговлей с лотка).

б) Помимо социального состояния подсудимого судья обязан выяснить деятельность подсудимого и образ его жизни как до совершения преступления, так и после его совершения, избегая при этом тех подробностей и излишних деталей, которые, не имея отношения к обстоятельствам, могущим повлиять на меру репрессии, лишь засоряют процесс.

Отсутствие у подсудимого судимости, его честная трудовая жизнь до совершения преступления, его стремление загладить причиненный им вред или ущерб, его раскаяние в содеянном, его чистосердечное признание,—все это должно учитываться судьей при выборе меры социальной защиты.

в) Наконец, судье надлежит выяснить умственный и нравственный облик подсудимого. Если умственная неразвитость, темнота и невежество должны вызвать пониженные требования в силу отсутствия у таких подсудимых надлежащего представления об общественных отношениях, должного сознания причиняемого вреда, то к подсудимым развитым и сознательным должно предъявлять повышенные требования.

III. Выяснение опасности преступления в данных условиях времени и места.

а) Преступления, грозящие основам пролетарского государства, как преступления особо-социально опасные, опасны во всякое время и в любом месте, и подход пролетарского судьи к этим преступлениям при определении меры социальной защиты прямо предуглавывается и диктуется карательными санкциями тех статей особенной ча-

сти Уголовного Кодекса, которые предусматривают эти деяния (ст.ст. 58—67, 75, 76 и 82).

б) Далее воинские преступления и, вообще, преступления во время войны, могущие подорвать боевые силы государства (ст.ст. 81, 83, 84, 131), приобретают в боевой обстановке значенные сугубо-опасных преступлений, требующих в интересах охраны пролетарского союза самого сурового отношения.

в) Распространенность преступления.

Судья для того, чтобы правильно определить опасность обычного преступления в данных условиях времени и места, прежде всего, обязан выяснить распространенность этого преступления, и если определенное преступление в данной местности в настоящее время имеет массовый характер, своей распространенностью терроризирует население, такое преступление является в данных условиях времени и места особо-опасным, и мера социальной защиты по этим преступлениям, преследуя цели обороны и предупреждения, должна быть несравненно более повышенной, чем за то же преступление в другом месте, где оно имеет единственный характер и особых последствий не влечет.

Судья, однако, не должен ограничиться одним выявлением распространенности преступления, а обязан выискнуть в причину, обуславливающую эту распространенность, ибо они неодинаковы.

Если распространенность определенного преступления в данной местности вызвана стихийным бедствием, как, например, голодом, вынуждающим крестьян грабить продовольственные склады, то к такого рода массовым преступлениям должен быть совершенно иной, более мягкий подход, нежели тогда, когда распространенность преступления в данной местности объясняется обычными факторами и когда с ним в интересах охраны общественной безопасности надлежит бороться суровыми мерами социальной защиты.

г) Отдельные преступления.

Преступления, не носящие массового характера, единичные, но совершаемые в разных местах, как имеющие разные условия и предпосылки, должны

вызвать и разный подход судьи: в одном случае строже, в другом мягче.

Здесь судье надлежит учитывать: 1) вредность влияния этого преступления на окружающих, 2) возможность его распространения, 3) не направлено ли оно против какой-либо кампании или вообще ударной работы органов власти, 4) не совершено ли оно особо-вредным для общественного спокойствия способом, 5) насколько оно подрывает доверие к власти, 6) вообще ту объективную опасность каждого преступления, которое в зависимости от места его совершения может увеличиваться, либо уменьшаться, как например, поджог в деревне несравненно опаснее поджога в городе, конокрадство в деревне, разрушая крестьянское хозяйство, несравненно опаснее конокрадства в городе.

д) Наконец, судье надлежит при определении опасности преступления всегда учитывать время совершения преступления и время его рассмотрения и при определении меры социальной защиты всегда иметь в виду, что если с момента совершения преступления до момента его рассмотрения судом прошло значительное время, то общественная опасность преступления свою остроту потеряла и остается лишь опасность формальная, интерес к делу прошел, общественное значение его потеряно, и что наказание, как мера предупреждения также значения иметь не будет. Вот почему, когда некоторые губсуды, разбирая в 1924 г. дела о преступлениях, имевших место в 1921—1922 г.г., выносили по этим делам суровые меры репрессии, коллегия Верховного РСФСР, исходя исключительно из соображений давности совершенного преступления, сокращала меру социальной защиты до возможно минимального передела.

Этим также объясняется и то, что постановлением Президиума ВЦИК от 12 мая 1924 года суды получили право и директиву прекращать дела, по которым преступления совершены до 1/1—1923 г., за исключением некоторой категории особо-социально опасных в данное время преступлений.

Г. Рогинский.

Статистика раскрытия преступлений.

Сведения из всех губерний по вопросу об органах борьбы с преступностью не оставляют на первый взгляд желать ничего лучшего. По этим сведениям % раскрытия очень редко спускается ниже 50, а в большинстве случаев значительно превосходит эту цифру, доходя до 70—80%, а в некоторых отдельных случаях даже до 90% и еще того выше. Таких успехов не достигли и наиболее прославленные своими успехами органы розыска Лондона и Нью-Йорка. При всем желании мы не можем, однако, предположить, чтобы наши бедные материальными средствами, научно-техническими приспособлениями и высоко квалифицированными работниками органы дознания уже обогнали этих китов от сыскного дела. Остается только предположить, что обращение с цифровыми

выкладками у нас несколько вольное и не вполне соответствующее действительности.

Если мы присмотримся внимательно к тому, каким образом получается „статистика раскрытия преступлений“ и тщательно проанализируем методы ее составления, то причина ошибки нам станет совершенно ясна. Уголовные розыски и отделения милиции обычно рассуждают так: если я довел дело до того момента, когда его можно направить в суд для слушания, или передать прокурору или следователю для предания суду, или же для ведения предварительного следствия, стало-быть, преступление раскрыто. Но этот ход мысли объективно совершенно неправилен, и статистика, построенная на этой мысли, действительной картины результатов борьбы с преступностью дать

не может, так как совершенно же ясно, что если соответствующие органы вместо предания суду, якобы, достаточно уличенного преступника, найдут его вину настолько недоказанной, что сочтут необходимым данное дело прекратить, то с точки зрения общего эффекта преступление осталось нераскрытым, хотя бы оно и вошло, как раскрытое, в статистику раскрытых преступлений. Точно также обстоит дело и с судебным приговором. Оправдание на суде за недоказанность совершенного преступного факта исключает возможность засчитать заслушанное дело в число тех, по которым преступление раскрыто, ибо и здесь основная цель всякого уголовного процесса—изобличение преступника—не достигнута.

К этому, конечно, не относятся случаи прекращения дел в порядке ст. 4-а УПК „по нецелесообразности“ и т. п. В этом случае преступник изобличен и преступление раскрыто, несмотря на то, что государство в лице уполномоченных на то органов нашло полезным отказаться в данном деле от выводов репрессивного характера.

Если мы возьмем для иллюстрации одну только губернию и проследим в ней ход дел от их зарождения (в органах дознания) и до конца (судебное заседание), то мы увидим как разительно меняется процент раскрытых преступлений.

По сведениям органов дознания раскрыто из всех зарегистрированных преступлений всего 56%

После прохождения через прокуратуру, учитывая только направленные в суд и следователям дела, имеем 29,5%

После прохождения через следственное производство 26,2%

После прохождения через суды 20%

При этом не учтено одно обстоятельство, имеющее значение уже не для установления конечных результатов, достигнутых всеми заинтересован-

ными органами государства, а только для оценки работы определенных органов дознания.

Ни для кого не секрет, что в значительном количестве случаев органы дознания не „раскрывают“ преступления, а только оформляют уже раскрытые. Явки с повинными по всем статьям У.К., почти все дела о растратах и присвоениях, случаи задержания на месте совершения преступления, заявления потерпевших или других граждан с точным указанием личности преступника,— все это представляет такой материал, с которым органы дознания имеют только работу по оформлению, и записывание „раскрытия“ таких дел на свой счет по меньшей мере несправедливо и способно только дать неверное впечатление о достижениях того или иного органа дознания.

Мы взяли на выдержку одну губернию. Цифры, конечно, имеют значение только для нее. Но и во всякой другой окажется после всех последовательных этапов приблизительно такое же последовательное уменьшение %.

Необходимо поставить правильную и вполне надежную статистику раскрытия преступлений. Эту задачу может и должна взять на себя только прокуратура как от органов дознания и следователей, так и от суда. При этом она должна руководствоваться следующим правилом: % исчисляется из количества дел, по которым нужно было что-либо раскрывать (а не только оформлять), и только после прохождения через все инстанции вплоть до уг.-касс. отделения губсуда. Изменение % от прекращения дел в Верховном суде настолько незначительно, что им, конечно, можно с спокойной совестью пренебречь. Что касается дел, прекращенных в порядке ст. 4-а УПК, то они, по высказанным уже выше соображениям, должны рассматриваться как раскрытые.

С. Тагер.

О характере и программе прокурорских обследований в деревне.

Что прокуратура должна все большее внимание уделять деревне и низовым органам советской власти, не нуждается в комментариях. Об этом уже немало говорилось и писалось. Факты и цифры, относящиеся к работе прокуратуры в деревне в 1923, 1924 и текущем году, говорят об огромном сдвиге в этой области. Процесс развертывания работы прокуратуры в деревне, вполне понятно, не мог протекать без всяких перебоев.

К чему же сводятся главнейшие из них?

Первый и самый, пожалуй, существенный недостаток работы прокуратуры в деревне за прошлый год, как известно, заключается в том, что работа в деревне за небольшими исключениями не носила планового систематического характера.

Причины вполне понятны: сказывалось переkreпчивающееся влияние недостаточно выявившегося в прошлом году перехода прокуратуры к

плановой работе вообще, новизны и громадного объема работы в деревне (для планирования и систематизирования которой необходимо было предварительное „прощупывание“) и, наконец, недостаточности наличных штатов помпрокурора.

Но можно ли считать указанный недочет совершенно устраненным в настоящее время? Судя по поступающим с мест материалам, сообщениям последних ревизий, в текущем году явственно намечается усиление планового начала в работе прокуратуры вообще, и в деревне, в частности. Некоторые места уже представили в Отдел Прокуратуры довольно подробно разработанные и календарно-расчитанные перспективные планы своей работы на ближайшие месяцы, а в эти планы в качестве составной и весьма существенной части поставлена и работа в деревне. Можно, не рискуя впасть в преувеличение, утверждать, что 1925 год идет под знаком укрепления плано-

вого начала в прокурорской работе. С другой стороны, за прошлый год накопился и значительный опыт по работе в деревне, опыт, дающий возможность наметить вполне конкретные ее очертания, и, действительно, мы видим, как ряд прокуратур в текущем году разрабатывает и уже разработал примерные программы обследований низовых органов. Но вместе с тем, поскольку все еще не разрешен в положительном смысле вопрос о дополнительном помпрокуроре на уезд, поскольку одному помпрокурору приходится обслуживать и уездной центр и волости, ясно, что в достаточной мере перейти к плановой и систематической работе и в текущем году пока не представилось возможным.

Затем заслуживает внимания характер тех обследований, которые производились представителями прокурорского надзора при выездах в деревни и которые составляли одно из существенных проявлений работы в деревне.

Помимо наблюдаемой пестроты в выборе объектов обследования, здесь пробивались двоякого рода нежелательные тенденции. С одной стороны, ряд обследований низовых органов власти сводился к преимущественному ознакомлению с канцелярской, делопроизводственной стороной работы низовых органов. Из соответствующих актов можно получить более подробное и точное представление о количестве входящих, исходящих, состояний нарядов и т. п., чем о существе работы и степени проведения революционной законности.

Такого рода канцелярский уклон, суживающий рамки прокурорских обследований, наблюдался преимущественно в прошлом году, в настоящее же время его можно считать более или менее ликвидированным, не без влияния, конечно, тех ревизий, которые производились по заданиям Центральной Прокуратуры. Но зато не все обстоит благополучно по части другой, противоположной тенденции, которую можно охарактеризовать, как уклон к расширению рамок прокурорских обследований до ревизии работы низовых органов по существу.

В программу обследования включается оценка и изучение не только законности, но и целесообразности деятельности того или иного органа, и, таким образом, в сущности акты прокурорских обследований превращаются в акты ревизий.

Так, перед нами обследование прокурорским надзором одного из расположенных в сельской местности промышленного предприятия, — обследование, которое самым детальным образом останавливается на производительности труда, норме выработки, количестве членов ячейки РКП(б), ее авторитетности, ее взаимоотношениях с беспартийными, штате конторских служащих и т. д.

Далее мы имеем ряд актов прокурорских обследований ветеринарных пунктов, школ, больниц, сельско-хозяйственных кооперативов, кресткомов, изб-читален и т. п.

В актах мы читаем о количестве, скажем, учащихся и учащих, методах преподавания, степени оборудованности школы, снабжении ее учебными пособиями, степени и формах участия медперсонала в общественной жизни и т. п.

Или берем другую иллюстрацию. Перед нами примерная программа обследований уездных

исполнительных комитетов (разработанная одною из местных прокуратур), в которую, между прочим, включаются такие пункты:

„Распределение работы между членами УИК'а.“

„Связь членов УИК'а с населением; практикуется ли прикрепление их к ВИК'ам, отчитываются ли перед населением и т. п.?“

„Связь президиума с отделами УИК'а: каким образом руководит президиум отделами и отчитываются ли отделы перед президиумом?“

„Какое внимание УИК уделяет низовому аппарату, назначались ли им обследования ВИК'ов, происходили ли совещания по этому вопросу, производятся ли вызовы волостных и сельских ра отников для докладов. Изучается ли отделами УИК работа ВИК'ов в соответствующих отраслях их деятельности и каким образом это производится?“

„Каков личный состав отдела с точки зрения классовой принадлежности, партийности, технической подготовленности, нет ли кумовства?“

Получил ли за последний год отдел директивы, указания и задания от УИК; если получил, то по каким вопросам; выполнены ли отделом эти указания и задания, если не выполнены, то почему; наблюдал ли УИК за их выполнением...“ и т. д.

Вот вопросы по обследованию волисполкомов

„Связь ВИК'а с профорганами.“

„Даются ли разъяснения ВИК'ами сельсоветам по отдельным моментам их работ?“

„Участие беспартийных крестьян в волостных советах, их президиумах, секциях и комиссиях, количество беспартийных в составе ВИК'а и его расширенных заседаниях. Соотношение с партийным составом?“

„Практикуется ли ВИК'ом образование постоянных и временных комиссий и по каким вопросам?“

„Практикуется ли какая-либо другая форма вовлечения беспартийного крестьянства, женщин и сельской интеллигенции в волостную советскую работу?“

„Характер использования муниципализированных строений и принятие мер к их ремонту и поддержанию в порядке, сколько из них и с какого времени непригодны для занятия?“

„Насколько ВИК пользуется авторитетом среди населения, а равно и отдельные его члены, нет ли упреков в оторванности их от населения, жалоб на бюрократизм, волокиту, злоупотребление, незаконные поборы и пьянство, а также пренебрежительное отношение к интересам населения?“

„Связь ВИК'а с сельскими общественными организациями, как-то: кресткомами, кооперацией, сельско-хозяйственными коллективами и т. п.“

„Принятие мер к организации пожарных обзоров и приобретению противопожарных инструментов и инвентаря.“

Чем отличаются подобные вопросы от вопросов, ставящихся при ревизии? По-моему, ничем или почти ничем.

Интересны ли все вопросы, включенные в указанные программы? Вне всякого сомнения, все они представляют громадный интерес. Но беда в том, что, во-первых, охватить их с достаточной полнотой и глубиной, оценить по существу работу школ

и больниц, и ветпунктов, и т. п. просто непосильно для прокурора, и подобного рода широкие рамки расследования неизбежно сопряжены с поверхностью его.

А во-вторых... не следует все же упускать из виду, что обязанности ревизий закон на прокуратуру не возложил, и производство ревизий работы по существу ее, с точки зрения ее целесообразности, составляет компетенцию других органов.

Для прокурорского надзора более чем достаточно работы по обследованию деятельности низовых органов со стороны законности ее, со стороны соответствия ее как формальным требованиям закона, так и общему духу нашего законодательства.

Конечно, подчас бывает трудно провести разграничительную линию между явлениями, характеризующими законность деятельности, скажем, волисполкома, и относящимися до существа ее вообще.

Все это иногда переплетается в один тесный неразрывный клубок.

Но все же основная задача прокурорских обследований — обследование степени проведения революционной законности — в большинстве случаев позволяет наметить если не незыблемую разграничительную линию, то, во всяком случае, ориентировочные границы, исключающие распыление внимания по целому ряду перечисленных выше моментов, самих по себе, конечно, весьма интересных, но непосредственного отношения к правам и обязанностям прокуратуры не имеющих, и обследование которых лицами прокурорского надзора допустимо лишь по поручениям соответствующих парторганов.

Указанный критерий сузит и объем объектов прокурорских обследований в волости. В самом деле, может ли считаться целесообразным обследование прокурорским надзором сельских школ на предмет выяснения степени оборудованности их, степени снабжения учебными пособиями и т. п.? Или сельской медицины — на предмет выяснения чисто оперативной стороны постановки ее? Очевидно, нет; обследование подобных учреждений со стороны прокурорского надзора должно иметь место лишь в случаях, когда имеются какие-либо веские основания подозревать наличие каких-либо злоупотреблений, требующих вмешательства прокурорского надзора.

В прочих случаях обследование подобных учреждений производится в общем порядке соответствующими органами.

Упомянутый выше критерий указывает и те моменты, которые действительно требуют детального обследования именно со стороны прокурорского надзора.

Таковыми моментами, примерно, являются:

а) законность, понятность и выполнимость обязательных и протокольных постановлений и распоряжений; б) не носит ли осуществление на практике этих постановлений и распоряжений характер бесцельного дергания, несообразного

наложения штрафа и излишней придирчивости, доходящей до произвола, вызывающей недоброжелательное отношение со стороны населения к органам власти; в) не имеются ли случаи налоготворчества и скрытых повинностей (бесплатная подача подвод, очередное дежурство при исполкоме), г) каким путем и своевременно ли осведомляется население о постановлениях центральной и местной власти и особенно о порядке, размере и сроке уплаты налогов и льготах по ним для маломощных хозяйств, а также о всех постановлениях власти, предоставляющих крестьянскому населению те или иные права, как-то: о сельскохозяйственном кредите, с.-х. кооперации, земельной и аграрнокультурной политике, отпуске леса, об особых льготах семьям красноармейцев и т. п.; д) не вызывает ли состояние аппарата и поведение отдельных работников недоверие и нарекание со стороны населения на почве проявления бюрократизма, волокиты, злоупотребления положением, пьянства, грубости, взяточничества и пренебрежительного отношения к повседневным интересам трудящихся; е) соблюдается ли законодательство о труде, в частности, в отношении батраков; ж) не было ли со стороны исполкомов и сельсоветов случаев борьбы с религиозными предрасудками административными мерами (закрытие церкви, мечетей, стеснение религиозных обрядов и т. п.); з) как работают земельные комиссии, нет ли излишней задержки в работе ими отдельных дел; и) не наблюдается ли уклонения исполкомов от нотариального засвидетельствования договоров, нет ли неустановленных сборов и, вообще, поборов при обращении по делам записей актов гражданского состояния и выдачи удостоверений личности; нет ли платности оказания медицинской помощи при больницах, амбулаториях и медицинских пунктах.

Сюда можно добавить детальное обследование работающих в волости органов дознания.

Но если, как указывалось, рамки обследований деятельности низовых органов необходимо ограничить обследованием ее преимущественно со стороны законности, то это, конечно, не значит, что обнаруженные в связи и попутно с подобными обследованиями недочеты (а также и достижения), имеющие чисто оперативный характер, не могут и не должны быть использованы прокуратурой в целях улучшения сов. аппарата.

Материал этого рода может быть или передан по принадлежности, или послужит основанием к осуществляемой в соответствующем порядке законодательной инициативе.

Заслуживает внимания и практика некоторых губпрокуратур по реализации результатов обследований низовых органов на совещаниях по борьбе с преступностью, созываемых при губернских и уездных прокурорских камерах.

Само-собой подразумевается и бесспорна желательность увязки по возможности прокурорских обследований низовых органов с обследованиями, производимыми по ведомственной и партийной линии.

Н. Лаговнер.

Коллективное поручительство за обвиняемого на предварительном следствии.

Практика отмечает случаи колебаний и сомнений со стороны следователей, когда во время производства следствия какой-либо коллектив ходатайствует перед следователем за обвиняемого, содержащегося под стражей, и просит об освобождении последнего, предлагая взамен свое поручительство применительно к 150 ст. Угол. Проц. Код.

Вопрос о допустимости коллективного поручительства сам по себе, с принципиальной точки зрения, конечно, не возбуждает сомнения, в особенности после того, как на V Съезде деятелей советской юстиции одним из принятых Съездом тезисов было признание необходимости в целях усиления классового начала в карательной политике внесения в законодательные учреждения проекта закона о коллективном поручительстве.

„В отношении рабочих и крестьян, впервые совершивших преступление и имеющих постоянное жительство в районе суда, говорится в одном из тезисов V Съезда, может допускаться не только личное поручительство, но и коллективное (завкомы и другие подобные им организации *)“.

В пролетарском государстве было бы абсурдом недопущение коллективного поручительства наряду с личным. В самом деле, если представление за обвиняемого поручительства двух заслуживающих доверия лиц (150 ст. УПК) признается в отдельных случаях достаточным основанием к изменению меры пресечения содержания под стражей против обвиняемого, то было бы странным отказать в принятии вместо личного поручительства двух лиц поручительства целого организованного коллектива учреждения, профсоюза, фабкома и т. п.

Ведь личное поручительство в качестве меры пресечения основывается, как разъяснил Верховный Суд РСФСР, „исключительно на доверии судебного органа к поручителю“ (Цирк. № 64 от 19 октября 1923 г.—„Еженед. Сов. Юст.“ № 44, стр. 1029). А если в основе поручительства лежит доверие, то это доверие, естественно, может быть всегда оказано в большей степени коллективу, целой организации, чем отдельным лицам. С иной точкой зрения не мирится классовое пролетарское правосознание.

Поэтому неупоминание в процессуальном законе о допустимости, наряду с личным, и коллективного поручительства не могло бы служить препятствием к усвоению практикой случаев принятия поручительства коллектива: по существу такое поручительство можно было бы всегда рассматривать, как „личное“ поручительство, но только представляемое не двумя-тремя лицами, а многими лицами персонально.

Вопрос, однако, осложняется последствиями в смысле ответственности, которую несут поручители в случае уклонения обвиняемого от явки к

следствию. Поручители по закону (151 ст. УПК.) несут уголовную ответственность, которая замыкается санкцией в виде угрозы принудительными работами до 3 месяцев или штрафом до 300 руб., безразлично, будет ли эта ответственность квалифицирована применением аналогии по 223 ст. Уг. Код., или, как разъяснил Верховный Суд в вышеуказанном циркуляре, по 104-б ст. Уг. Код. (104-а в первоначальной редакции).

Штраф, конечно, можно взыскать со всякой организации, со всякого коллектива, как с юридического лица, но приговорить к принудительным работам целый коллектив, хотя бы и рассматриваемый не как юридическое лицо, а как совокупность персонально принявших на себя ответственность поручителей, было бы невозможно и нелепо. Выхода как-будто нет.

Поэтому, когда следователю подает заявление коллектив о согласии представить за обвиняемого поручительство, перед следователем встает вопрос: кто же и чем в данном случае будет отвечать перед судом в случае сокрытия от следствия обвиняемого, за которого поручился, скажем, фабричный комитет, и наконец, в какой форме, согласно 2 ч. 150 ст. УПК., следует предупредить поручителя-фабком об ответственности?

Казалось бы, что вопрос можно разрешить просто: поручительство коллектива, рассматриваемое как совокупность личных поручительств многих лиц, должно быть признаваемо следователем предпочтительнее, чем персональное поручительство отдельных лиц („не менее двух“), при этом коллектив, представляющий поручительство, должен только заявить, кого он уполномочивает, как своего представителя, нести обязанности по доставлению обвиняемого к следствию или в суд по первому о том требованию (1 ч. 150 ст. УПК.) и кто является, таким образом, ответственным персонально перед судом в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда.

Такое разрешение вопроса как-будто не ломает закона, не посягает на его сущность, а только расширяет понятие „личного“ поручительства, противопоставляемого поручительству „имущественному“.

При этом для нас вполне понятно, что в классовых интересах пролетариата при разрешении следователем вопроса о допустимости, в виду представленного коллективного поручительства, принятия более легкой меры пресечения в отношении рабочего или крестьянина нельзя останавливаться и задумываться над вопросом, кого при этом коллективном поручительстве придется предавать суду в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда. Ведь центральным вопросом в данном случае является вопрос, можно ли считать надежным и заслуживающим доверия коллектив, ходатайствующий за обвиняемого и принимающий

*) Итоги V Съезда—„Еженед. Сов. Юст.“ № 42-43 1924 г., стр. 304 и 307.

на себя ответственность заботиться об исправной явке обвиняемого к следствию и суду.

Подобное поручительство коллектива, естественно, является более надежной гарантией, чем поручительство двух частных лиц, которое на практике все-равно сводится к формальной, имеющей договорный характер подписке поручителей, соглашающихся ответить за неявку обвиняемого или штрафом, или отбытием принудительных работ.

К сожалению, неизвестно, насколько часты были в судебно-следственной практике случаи уклонения обвиняемых, за которых представлены личные поручительства, и в связи с этим были ли случаи привлечения к ответственности поручителей и присуждались ли они к принудительным работам.

Если такие случаи чрезвычайно редки, то можно думать, что возможные случаи сокрытия обвиняемых, в особенности из рабочих и крестьян, за которых представлено коллективное поручительство, трудно вообще себе представить. Ведь коллектив, напр., завком, обсуждая предварительно вопрос о принятии поручительства, несомненно, учитывает конкретную обстановку жизни обвиняемого, условия его работы, степень связи с коллективом и т. д. и, таким образом, соглашаясь принять поручительство, вместе с тем как бы дает рекомендацию обвиняемому, устанавливает характеристику его, как человека, на которого можно положиться, и принимает участие в его судьбе, как лица, хотя и впавшего в преступление, но с точки зрения коллектива не социально-опасного. Обязанности же следить за каждым шагом обвиняемого и пресечь ему все возможности к бегству, естественно поручитель-коллектив, как и отдельный поручитель, не может принять на себя.

Поэтому поручительство с обязательством отвечать в уголовном порядке за неявку обвиняемого представляется по самому существу своему какой-то фикцией: как вообще можно допускать принятие обязательств поручиться в том, что обвиняемый не скроется, когда обычно поручитель реально не имеет даже возможностей наблюдать за обвиняемым: живут в отдельности друг от друга, редко видятся, заняты на различной работе и т. п.? Здесь в самом факте допущения личного поручительства в уголовной ответственности для поручителя кроется внутренняя несообразность. Это—закон по существу нежизненный и может быть рассматриваем, как пережиток и условность.

Однако, поскольку вообще законом допущено принятие основанного на доверии поручительства отдельных лиц, постольку последовательно необходимо допустить и принятие представляемого коллективного поручительства, не предвешая вопроса о том, какое наказание суд может наложить на представителя коллектива, на которого этим коллективом будет возложена общая обязанность наблюдения за исправной явкой обвиняемого к следователю и в суд.

В таком решении вопроса, правда, есть некоторая невязка с общими началами уголовного права, согласно которым ответственность членом

юридического лица за преступные деяния возможна лишь персональная, в зависимости от степени участия их в деле и степени их вины, а не коллективная, с переложением этой ответственности на одно лицо, как его представителя. Но ведь и вопрос о личном поручительстве с уголовной ответственностью поручителей не вяжется с общими началами права, так как вопрос о возможности вменения и признания вины поручителя за побег обвиняемого представляется весьма проблематичным.

Поэтому только условно можно признать допустимым принятие коллективного поручительства с персональной ответственностью за неявку обвиняемого со стороны уполномоченного представителя коллектива.

В самом деле, к чему сведется тогда в результате хотя бы разница между коллективным поручительством (как особым видом личного поручительства) по сравнению с имущественным поручительством? Представитель коллективного поручительства в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда будет привлечен к ответственности и может быть приговорен судом по 104-б ст. Уг. Код. к штрафу в сумме до 300 руб., который в силу обязательства, данного коллективом, уплатит за своего представителя этот коллектив. Лица же и организации, представившие за обвиняемого имущественное поручительство, понесут ответственность в определенной сумме, в которой принято имущественное поручительство, при чем эта сумма может, конечно, значительно превысить сумму штрафа, максимум которого определен в 104-б ст. Уг. Код.

Таким образом, коллективное поручительство по последствиям для поручителя в смысле ответственности фактически приравнивается к ответственности имущественного поручительства, о которой говорит 152 ст. УПК, с той лишь разницей, что денежная ответственность поручителя-коллектива, выразится в форме штрафа, как наказания за неосторожное ручательство за ненадежного обвиняемого, а ответственность организации при имущественном поручительстве определится в форме взыскания, как гражданского последствие, обращенного на имущество поручившейся организации (156 ст. УПК).

Конечно, такое разрешение вопроса не основано на строгом юридическом толковании закона, но ведь и сам этот закон содержит в себе внутреннюю несогласованность с общим духом классового пролетарского права, как бы не допуская вообще коллективного поручительства в виду невозможности применения уголовной санкции для коллектива, как юридического лица, в виде принудительных работ. Поэтому мы не настаиваем на безусловной непогрешимости даваемого нами толкования при применении на практике закона о поручительстве, а указываем лишь выход из положения для тех случаев в следственной практике, когда вместо личного поручительства, требуемого следователем, коллективный орган просит принять его поручительство за обвиняемого.

Вместе с тем необходимо поставить на очередь вопрос и об изменении вообще процессуального закона о поручительстве в связи с упрощением норм УПК.

И если поднимавшийся на V Съезде деятелей советской юстиции вопрос о полной отмене имущественного поручительства и залога, как мер пресечения, не соответствующих духу пролетарского права¹⁾, не будет поставлен и разрешен в законодательном порядке в ближайшее время, то следовало бы впредь по полной отмене этих мер внести в процессуальный закон новеллу, которая определенно разрешала бы вопрос об условиях допустимости коллективного поручительства. И тогда, пожалуй, правильно было бы в отмену 150 и 151 ст. УПК, предусматривающих личное поручительство с уголовными последствиями для поручителя, оставить в законе лишь имущественное поручительство отдельных лиц и организаций (коллективов), предусмотренное 152 ст. УПК. Тогда коллективное поручительство явилось бы отдельным видом имущественного поручительства, при чем практика, регулируемая циркулярами НКЮ и разъяснениями Верховного суда, установила бы порядок, по которому при коллективном поручительстве допускалась бы в минимальных размерах имущественная ответственность для коллективов-поручителей сравнительно с инди-

видуальными поручителями, как заслуживающими меньшего доверия.

При отсутствии же в законе точной и ясной нормы, узаконяющей коллективное поручительство, как меру пресечения, перед следователями, которым подаются от коллективов заявления о принятии их поручительства, всегда будет вставать недоуменный вопрос, как поступить: отказать ли, вопреки социалистическому правосознанию в ходатайстве о принятии коллективного поручительства, как непредусмотренного процессуальным законом, или же принять его, вопреки прямому смыслу закона, обойдя при этом вопрос о возможной ответственности поручителя-коллектива в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда, т. е. свести на-нет фактическую реальную ответственность поручителя-коллектива.

Как-будто иного выхода нет. Мы считаем этот вопрос принципиально весьма важным, тем более, что он не был достаточно продискуссирован, а между тем, он настойчиво ставится следственной практикой и требует разрешения.

Вл. Громов.

Судоустройство на Сев. Кавказе*).

Восемь месяцев прошло с тех пор, как на Северном Кавказе из существовавших ранее шести самостоятельных губ. и обл. судов организован Северо-Кавказский краевой суд, имеющий шесть постоянных судебных-кассационных сессий.

Краевой суд обслуживает в настоящее время 14 округов, с общим количеством населения в 6.271.177 человек.

Уголовный и гражданский отделы краевого суда непосредственно обслуживают в судебном-кассационном отношении шесть округов с общим числом населения в 2.376.670 чел.

Во всех округах имеются уполномоченные краевого суда, кроме г. Грозного, Владикавказа и Сунженского округа, где функции уполномоченного выполняются председателями сессий.

Общее число низовых судследорганов по краю следующее: народных судов 201, нарследов 157, нот. контор 42 и судебных исполнителей 42.

Если бы нам задали вопрос: нужно ли и целесообразно ли изменение системы краевого суда и в какой части, мы ответили бы, что изменение нужно, но не коренное, а лишь частичное, путем внесения в систему некоторых корректив и уточнений отдельных ее частей.

Всплывают такие вопросы: нужны ли уполномоченные, в особенности в тех округах, где имеются сессии, или целесообразно их упразднить с передачей их функций председателям сес-

сий? И в особенности этот вопрос поднимается в связи с имеющимися уже прецедентами в г. г. Грозном и Владикавказе, где председатели сессий являются одновременно и уполномоченными. На этот вопрос мы отвечаем категорически отрицательно, ибо мысль наших руководящих органов и законодателя в преподании этой системы имела более глубокие корни, чем те мотивы, которые выдвигаются сторонниками указанной реформы. Во-первых, постоянные судебном-кассационные сессии, как таковые, по мысли руководящих органов и законодателя, должны остаться и быть исключительно приспособленными к чисто судебной работе и кассационной практике и отказаться совершенно от всякой административно-хозяйственной работы, которая перекладывается полностью на окружных уполномоченных в пределах предоставленных им законом (ст. 75,76 пол. о суд.) прав, в общей сложности весьма больших и серьезных. И если передать эти права председателям сессий, то они должны будут превратиться в самостоятельные суды, только без пленумов, вопрос о добавлении которых встал бы затем неизбежно.

Что касается прецедента, указанного нами выше, то он если и создан, то исключительно по причинам целесообразности, т. к. эти округа имеют всего 3—4 судследучастка и необходимости создавать там специального уполномоченного нет.

Наиболее резкий вариант, который выдвигают некоторые судебные работники Сев. Кавказа,— это создание самостоятельных окружных судов в каждом округе и соответственно этому в центре края соответствующих организаций, одних с функциями руководяще-административными, других— с судебном-кассационными, т. е. аппаратов, прибли-

¹⁾ См. п. 4 тезисов по докладу т. Крыленко: «Корректирующая политика» — Еженед. Сов. Юстиц. — 1924 г. № 13—14, стр. 307).

* Печатаемая настоящая статья в порядке дискуссии. Редакция считает необходимым указать, что она по некоторым вопросам не согласна с автором. Редакция.

зительно соответствующих I Отделу НКЮ и отделению Верховного Суда. К этому варианту необходимо отнестись более критически, чем к какому-либо другому, ибо он, как по экономическим соображениям, так и по существу вряд ли может быть жизненным и учреждение его явится не сокращением и упрощением аппарата, а увеличением его стоимости и излишней надстройкой в нашей судебной системе.

Если до реорганизации суда на Северном Кавказе, губ. и обл. суды (в количестве 6), ныне объединившиеся в краевой суд, имели 600 с лишним штатных единиц, то при существующей системе, обслуживая эту же территорию, краевой суд имеет 480 штатных единиц, при чем дальнейшее сжатие аппарата, правда, в незначительном количестве, также возможно. Учреждение же окружных судов по числу 13 округов и центральных аппаратов должно будет вылиться в цифру значительно большую, чем даже в раньше существовавших шести губ. и обл. судах. В смысле же руководства судебно-следственными органами края вряд ли можно ожидать больше, чем мы имеем при настоящей системе. Например, мы установили, что при существовании губ. и обл. судов в прошлом обривизовано было низовых судследорганов 60—70%, а в некоторых даже и этого не было, сейчас же, при ныне существующей системе, мы уже имеем обривизованных более 60% низовых судследорганов края, при чем на все 100% работу предполагается закончить к концу июня месяца с. г. Что же касается методов ревизии, то они проработаны всесторонне, с учетом всех особенностей Сев.-Кавказского края и руководство судследорганами на основе этих ревизий является единым и цельным с учетом всех особенностей нашего края. Этого ни в коем случае не могли сделать ранее существовавшие губ. и обл. суды, т. к. к этой работе каждый из них подходил узко, по-своему, и не мог, конечно, дать того, что дает сейчас краевой суд в целом, соотносящийся в своей работе по руководству судследорганами не только с опытом и практикой работы суда в крае, но и с экономическо-политической обстановкой его.

Вот те основные аргументы, которые заставляют нас высказаться целиком и полностью отрицательно против выдвигаемого коренного изменения ныне существующей системы.

Теперь относительно корректив, которые должны быть поставлены в порядок дня центральными органами юстиции.

Пленум краевого суда созывается раз в два месяца, президиум еженедельно, при чем к компетенции пленума краевого суда отнесены вопросы, подлежащие разрешению пленумов губсудов, созыв же пленума краевого суда, во-первых, стоит больших средств, а во-вторых, громоздкость его не дает возможности созывать его чаще, в то время, как в губсудах ни того, ни другого препятствия нет, поэтому и расценивать их одинаково, уравнивая в правах, нельзя.

Возьмем хотя бы для примера вопросы порядка надзора и прочие, требующие быстрого разрешения и подлежащие ведению пленума.

В краевом суде это вызывает затруднения и

медленность в связи с указанными выше причинами.

Необходима проработка вопроса о передаче некоторой части прав пленума президиуму крайсуда, который при этом необходимо расширить путем введения в состав его председателей сесий; тем самым разрешится и вопрос об увеличении срока созыва пленума, т. е. можно будет созывать не в два месяца раз, а в три.

Пленуму же, таким образом, будут остарлены основные вопросы, т. е. руководство судебной политикой края, и прочие, общие для судебной работы в крае.

Второе — руководство судебной политикой и практикой на местах, в частности, у нас в крае, со стороны центральных органов реально является из практики касс. коллегии Верхсуда по отдельным делам и ревизий со стороны НКЮ, поэтому и здесь часть прав по руководству работой сессий и отделов крайсуда должна быть предоставлена пленуму и президиуму крайсуда, чтобы последний, т. е. краевой суд, мог бы не только наблюдать, но и частично руководить работой отделов и сессий краевого суда,

И, наконец, последнее, — это переконструирование самого аппарата крайсуда, т. е. выделение гражданского и уголовного отделов в самостоятельную сессию (а может быть, и две, — это вопрос технической проработки), что непосредственно будет связывать судебную кассационную работу крайсуда и его руководящий административно-судебный аппарат, оставляя, конечно, право всем членам президиума судебной практики во всех сессиях и в любой инстанции. Из кого и как должен быть при этом организован президиум, по нашему мнению, вопрос также технической проработки.

На ряду с обсуждением затрогиваемых выше вопросов, считаем необходимым также поставить на очередь обсуждение вопроса об увязке в работе с национальными судами авт. областей, входящих в Сев.-Кавк. край, с которыми по судебной линии мы до сих пор имеем лишь только взаимный обмен политикой как путем присутствия представителей нацсудов на пленумах крайсуда, так и посылкой важнейших постановлений пленума и президиума и важнейших циркуляров, тогда как практика показывает необходимость большей связи и единства, в особенности, в разрешении вопросов практической судебной работы.

Вот приблизительно основные моменты в построении ныне существующей судебной системы на Сев.-Кавк. крае, положительные и отрицательные стороны как прошлой, так и настоящей работы суда, то, что, по нашему мнению, должно быть поставлено в порядок дня и подвергнуто обсуждению.

Сообщая нашу мысль на страницах „Еженедельника“, мы считаем не только своевременным, но и целесообразным подвергнуть обсужденную затронутые нами вопросы, ибо существующая система на Урале (проведенная значительно раньше, чем на Северном Кавказе) и у нас (эта система на Сев.-Кав. существует в течение 8 месяцев), еще ни разу не подвергалась тщательной и детальной проработке, существовать же, как проб-

ной, 8 месяцев, по нашему мнению, срок вполне достаточный.

Жизненность ее в таком виде, как она есть, а мы здесь берем опыт Северного Кавказа, безусловно доказана, но кое-какие коррективы, в частности, указанные нами, необходимо проработать и внести, закрепив окончательно эту систему, тем более, что районирование Республики и в других местах в недалеком будущем будет

проведено по типу Урала и Северного Кавказа, и эта судебная система может быть вполне пригодной и там.

Северо-Кавказский краевой суд свое мнение высказал, следующее слово принадлежит Уралу, работающему по такой же системе и сталкивающемуся в своей практике безусловно с такими же вопросами.

В. Петров.

Заметки кстатаи и некстатаи.

Много споров и разговоров на местах вызывает применение на практике недавно введенной в Уголовно-Процессуальный Кодекс ст. 4-а, которая дает народному суду право прекращения уголовных дел по мотивам целесообразности и по малозначительности совершенных деяний. Разговоры эти возникают, в особенности, в связи с делами о преступлениях, кои по ст. 10 того же Кодекса возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего, „кoeyму, говорит закон, принадлежит в этих случаях право поддержания обвинения“. Далее тот же закон ясно указывает, что дела, возбужденные по жалобе потерпевшего, „подлежат прекращению в случае примирения его (потерпевшего) с обвиняемым“. К таким делам относятся дела о преступлениях, предусмотренных ст. 153, 1-й частью ст. 157, 172, 173, 174 и 175 Уголовного Кодекса.

Все эти дела сами по себе малозначительны, и здесь зачастую перед народным судом может встать мотив целесообразности рассмотрения того или иного дела. Сидоров в присутствии свидетелей назвал Иванова бранным словом. Иванов, почитая себя оскорбленным, обращается в народный суд с просьбой о привлечении к ответственности Сидорова по ст. 172 Уголовного Кодекса. Имеет ли право суд такое дело производством прекратить по мотивам целесообразности и по малозначительности дела или, другими словами, дела, возбуждаемые по жалобе потерпевшего (по частному обвинению) подпадают ли под действие ст. 4-а Уголовного Процессуального Кодекса?

Вот этот вопрос и смущает работников на местах.

С моей точки зрения ст. 4-а применяться к делам, возбуждаемым в порядке частного обвинения (ст. 10 УПК), не может и не должна, и вот по каким соображениям. Ст. 10 Уголовно-Процессуального Кодекса неизбежно устанавливает, что такие дела подлежат прекращению в случае примирения (отказа от обвинения) потерпевшего с обвиняемым, и подчеркивает, что такого рода дела могут возбуждаться исключительно по жалобе потерпевшего. Этими двумя положениями в законе устанавливается, что государство в производстве этих дел не заинтересовано и в отношении этой категории правонарушителей обвинения (публичного) не поддерживает, предоставляя это право

потерпевшему, коeму также принадлежит право прекращения дела за примирением во всякой стадии процесса до вступления приговора в законную силу. Таким образом устанавливается, что с момента предъявления своей жалобы в суд и до вступления приговора в законную силу жалобщик (потерпевший) является распорядителем возбужденного им дела, и в случае безусловной доказанности преступления суд находится в отношении рассмотрения дела в зависимости от воли потерпевшего (частного обвинителя). Таким образом, дело, в коем заинтересовано лицо (потерпевший) и коeму законом предоставлено право поддержания обвинения и прекращения дела примирением до вступления приговора в законную силу, не может быть прекращено властью суда, органа государства, по признакам ст. 4-а УПК, когда такое дело может быть прекращено лишь по воле потерпевшего. Это первое соображение.

А вот и второе. Безусловно дела, возникшие в порядке частного обвинения, по ст. ст. 172, 173 и др., сами по себе малозначительны. Тот же Сидоров назвал Иванова „негодяем“ или тот же Иванов (был такой случай на практике, но с другими фамилиями), дабы оскорбить Сидорова, пришил к стенной газете рисунок-карикатуру без ведома редакционной коллегии стенной газеты, каковая карикатура оскорбляла Сидорова и была предметом обозрения многих лиц в течение некоторого времени, до тех пор, пока рисунок этот не был снят и автор его не выявлен. Конечно, эти дела сами по себе малозначительны, но если их прекращать (а таких малозначительных дел по частным обвинениям 99%) в порядке ст. 4-а УПК, то придется ст. ст. 172, 173 и др. из Уголовного Кодекса выбросить совсем. А уж это-то мало целесообразно, ибо во всех этих случаях потерпевший имеет право иметь защиту в суде. И по этому второму соображению я полагаю, что прекращение дел, возбуждаемых в порядке частного обвинения, на основании ст. 4-а УПК иметь места не должно.

По моему, эти два соображения с достаточной ясностью уже разрешают в отрицательном смысле волнующий местных работников вопрос, но работники хотят иметь по нему вполне компетентное разъяснение.

Алексей Плюшков.

Обзор советского законодательства за время с 17 по 23 мая 1925 года.

А. Постановления Правительства СССР.

1. Пункт 3-й постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 21 марта 1924 г. о сроках службы в Рабоче-Крестьянской Красной армии, Рабоче-Крестьянском Красном флоте и войсках ОГПУ (СУ 1924 г. № 45, ст. 423) устанавливает, что призыву подлежат граждане, достигшие двадцати одного года к 1-му июля года призыва. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 9-го мая («Изв. ЦИК СССР» от 17 мая, № 111) призывной возраст изменен: очередному призыву подлежат граждане, достигшие двадцати одного года к 1-му января года призыва.

2. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 24-го апреля о порядке утверждения уставов акционерных обществ (паевых товариществ) и их регистрации («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) должно заполнить значительный, весьма живо спущавшийся пробел в нашем законодательстве. Дело в том, что несмотря на наличие лит. «з» ст. 1 Конституции, относящей к ведению Союза определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, а также заключение концессионных договоров, что лит. «ж» той же ст. 1-ой Конституции считает предметом общесоюзного законодательства установление системы внутренней торговли, что в составе общесоюзных ведомств образовал Наркомат Внутренней Торговли, одной из задач которого является (временное положение от 9-го мая 1924 г.—Собр. Узак. РСФСР № 62, ст. 620) «рассмотрение и представление... уставов акционерных обществ... и проектов постановлений об их ликвидации», до издания рассматриваемого постановления у нас не было общесоюзного акционерного закона. Акционерное право регулировалось ст.ст. 321—366 Гражд. Код. РСФСР, соответствующими статьями гражданских кодексов союзных республик и единичными постановлениями Союза и отдельных республик, главным образом, формального характера (вопросы регистрации и т. п.). Постановление проводит четкую грань между компетенцией общесоюзных и республиканских органов, а в пределах компетенции Союза различает уставы, утверждаемые СТО и требующие санкции СНК Союза ССР. СТО утверждает уставы акционерных обществ при наличии одного из следующих обстоятельств: если в числе учредителей имеются госучреждения Союза ССР или госпредприятия общесоюзного значения, либо госучреждения и госпредприятия нескольких союзных республик, если проектируемые уставы содержат отступления от постановления СТО, а также если сумма основного капитала о-ва превышает один миллион рублей. В согласии со ст. 323 Гр. Кодекса РСФСР и с некоторым расширением ее требований постановление требует представления уставов на утверждение СНК Союза ССР в случае участия в образовании общества иностранного капитала или допущения перехода акций в руки иностранных граждан, в случае концессионного характера устава и в случае отступлений устава от постановлений ЦИК и СНК Союза ССР, а также ВЦИК и СНК РСФСР, имеющих силу общесоюзного закона. Внесение уставов в СНК и СТО возлагается на Наркомвнугорг Союза ССР; уставы обществ, организуемых при участии иностранного капитала, предусматривающих такое участие или имеющих концессионный характер, вносятся Главконцесскомом; уставы кредитных учреждений представляются Наркомфинком СССР. Утвержден-

ные уставы регистрируются в Наркомвнугорге СССР, на которого возложено ведение торгового реестра предприятий общесоюзного значения.

Акционерные общества, не подпадающие по действии постановления, учреждаются и действуют на основании норм республиканского законодательства. Заслуживает особого внимания, что все акционерные общества, уставы которых утверждены в порядке как общесоюзного, так и республиканского законодательства, имеют право действовать на всей территории Союза ССР.

3. Постановления СНК Союза ССР от 11-го января 1924 г. о мерах к обеспечению для крестьянства покупки сельскохозяйственных орудий (Собр. Узак. РСФСР № 22, ст. 217) и от 11 апреля 1924 г. о порядке применения этого постановления (Собр. Узак. № 54, ст. 531), а также постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 11-го августа 1924 г. о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа сельскохозяйственных машин и орудий (Собр. Узак. РСФСР 1924 г. № 70, ст. 693), установили ряд льготных условий для приобретения крестьянством необходимых ему орудий. Продолжая эти мероприятия, постановление СНК Союза ССР от 6-го мая о льготной продаже крестьянству сельскохозяйственных орудий и машин производимых государственными заводами в 1924/25 году («Изв. ЦИК СССР» от 17 мая, № 111) намечает, прежде всего, порядок льготного кредитования. Последнее оказывается в первую очередь середняцкому и бедняцкому населению на машины и орудия производства 1924/25 года, стоимостью не ниже 12-ти рублей. Кредит предоставляется на срок от одного до трех урожаев, а в случае продажи сельско-хозяйственным коллективам сложных машин и орудий даже до четырех урожаев. Установлен также предельный размер надбавок на розничные цены довоенного времени в двенадцать с половиной процента; кроме того, в продажную цену включаются действительные расходы по перевозке.

4. Постановлением СНК Союза ССР от 6-го мая утверждено положение о Комитете по наблюдению за деятельностью издательств и распространением произведений печати («Изв. ЦИК СССР» от 19 мая, № 112). Комитет осуществляет двоякого рода задачи: во-первых, наблюдение за деятельностью издательских предприятий, а также организаций и предприятий по торговле и распространению произведений печати, как государственных, так и общественных и частных, и во-вторых, регулирование хозяйственно-коммерческой деятельности по изданию и распространению произведений периодической и непериодической печати. Соответственно этим задачам определен и круг предметов ведения Комитета, достаточно обширный, включающий в себя и проведение планового начала, и установление принципов калькуляции в издательском деле, и мероприятия по удешевлению стоимости произведений печати и по нормированию и регулированию цен на них. Комитет состоит при Наркомвнугорге Союза ССР и включает в себя представителей от Наркоматов Финансов и Внешней Торговли, ВСНХ, Госбанка, ЦК профсоюза работников просвещения и от союзных республик. Также в состав Комитета назначаются коллегией Наркомвнугорга представители от бумажной промышленности, книгоиздательств, газетных издательств, от предприятий и организаций по торговле и распространению произведений печати. Руководство идеологической стороной деятельности издательств Комитету не

принадлежит. Право вхождения с представлениями в законодательные органы осуществляется Комитетом исключительно через коллегия Наркомвнторга.

5. Постановлением СНК Союза ССР от 6-го мая об устройстве и эксплуатации телефонных сетей частного пользования, имеющих связь с центральными телефонными станциями общего пользования («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113), подробно урегулировано положение сетей, предназначенных для внутренних спешных отдельных учреждений, предприятий или организаций в пределах одного здания или однодомельного участка. Только в исключительных случаях Наркомпочтелю или местному исполкому предоставлено право разрешать устройство сетей частного пользования вне пределов одного здания или участка, но в пределах одного учреждения, предприятия или организации. Устройство сетей частного пользования производится либо средствами и за счет станции общего пользования, либо средствами станции общего пользования и за счет учреждений, предприятий и организаций, либо средствами и за счет последних. При чем в последнем случае техническое содержание и обслуживание сетей производится за счет заинтересованных учреждений и т. д., равно как и содержание персонала, обслуживающего абонентов, поскольку иное не установлено специальными соглашениями. За счет заинтересованных же учреждений производится устройство соединительных линий. Пользователи соединительными линиями и добавочными аппаратами оплачиваются по существующим таксам, за особыми, в законе установленными изъятиями. Управления сетями общего пользования предоставлено право закрывать сети частного пользования в случае нарушения установленных правил и соглашений после уведомления о том соответствующего заинтересованного учреждения и по истечении срока, назначенного для устранения замеченного дефекта. Постановление введено в действие с 1-го мая 1925 года.

6. Постановлением СНК Союза ССР от 6-го мая о передаче Управлением Военных Воздушных Сил Союза ССР Обществу Друзей Воздушного Флота устаревшего, снятого с вооружения и негодного для эксплуатации в военных авиачастях авиационного имущества для музеев и устройства авис-уголков («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) разрешена передача имущества для означенных в постановлении целей, независимо от стоимости указанного имущества. Соответственно изменен п. 4 постановления СНК Союза ССР от 11 декабря 1923 г. по этому же предмету (Собр. Узак. РСФСР 1924 г. № 17, ст. 162).

7. Персональные пенсии, назначаемые за особые услуги перед революцией, за долголетнюю научную деятельность и в подобных исключительных случаях выплачиваются органами социального обеспечения. За отсутствием общесоюзного ведомства сбора и соответствующей общесоюзной сметы возник вопрос, в каком порядке и какими органами должны выплачиваться пенсии в случае переезда пенсионеров в другую союзную республику. Вопрос этот разрешен специальным постановлением СНК Союза ССР от 9 мая о порядке выплаты персональных пенсий при переезде пенсионеров на постоянное жительство из одной союзной республики в другую («Изв. ЦИК СССР» от 19 мая, № 112), согласно которого лица, которым назначены персональные и неси в одной из союзных республик, сохраняют на них право и в случае переезда в другую республику, получая ее от органов сбз за по месту постоянного жительства. Наркомсбоз, выплачивающий пенсию, имеет право на соответствующее возмещение за счет кредитов отпускаемых наркомсбозу республики, назначившие пенсию.

8. Постановлением СТО от 15-го апреля о снижении тарифной ставки по обязательному окладному сельскому

страхованию строений от огня в Ойратской автономной области («Изв. ЦИК СССР» от 22 мая, № 115), снизившим эту ставку до 40 коп. со ста рублей, введено частичное изменение в постановление СТО от 16 сентября 1924 г. об окладном обязательном страховании в сельских местностях в 1924—25 году («Собр. Узак. ССР» 1924 г. № 12, ст. 119).

9. Постановлением СНК Союза ССР от 6-го мая о вывозе за границу маслостойного линтера («Изв. ЦИК СССР» от 22 мая, № 115) дополнена ст. 33 Таможенного тарифа по отпускной торговле («Собр. Зак. СССР» 1924 г. № 10, ст. 101).

10. Постановление СТО от 15 апреля о разрешении вывоза через Иманскую таможню III разряда соли со сложением акциза («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) издано на основании постановления ВЦИК и СНК от 11 января 1923 г. о мерах к содействию экспорту («Собр. Уз.» 1923 г. № 3, ст. 60) и свидетельствует о росте добычи соли, экспорт которой за границу поощряется.

11. В виду постановления СТО от 31 марта по вопросам финансирования и товарного снабжения кооперации, а также расширения и укрепления товарооборота (сбор в № 14 «Е. С. Ю.», п. 2), предусматривавшего изменение обложения торговли, в особенности розничной, и облегчение торговли на базарах, станциях, пристанях и пр., издано постановление Наркомфина Союза ССР от 5-го мая о предоставлении льгот сельской торговле («Изв. ЦИК СССР» от 22 мая, № 115). Освобождена от уплаты промышленного налога (т. е. и от выборки патента и от уплаты уравнительного сбора) торговля, производимая на сельских базарах, при внегородских станциях железных дорог, на паромных пристанях и на ярмарках, продолжающихся не более трех дней, товарами, которыми разрешается торговать по патентам 1-го разряда, при том условии, что торговля производится с рук, с ввоз, из переносимых помещений. Та же торговля, производимая без помощи наемных служащих из переносных палаток, будок и т. п. или постоянных помещений, площадь не более одной кв. сажени, облагается по первому разряду торговых предприятий. На сельских ярмарках, продолжающихся не более трех дней, освобождена от уплаты промышленного налога всякая торговля. Подробности должны быть урегулированы постановлениями наркомфинсов союзных республик на позие 1-го июля 1925 г.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Ст. 39-я положений о сельхозналоге от 7-го мая устанавливает для РСФСР три предельных срока для взноса налога: 35%—1 ноября 1925 г., 35%—1 февраля 1926 г. и 30%—1 мая 1926 г. На основании ст. 40 того же положения, предоставившей СНК союзных республик установить сроки платежа налога по отдельным крупнейшим их территориальным единицам—автономным республикам, не имеющим губернского деления, областям, губерниям и округам издано постановление СНК РСФСР от 22 мая о сроках внесения единого сельско-хозяйственного налога 1925—26 года («Изв. ЦИК СССР» от 23 мая, № 116), коим указаны предельные сроки установлены для различных территориальных подразделений РСФСР. Постановление содержит ряд отступлений от намеченной положением схемы предельных сроков. Так, для Сев.-Кавказского края назначено 4 срока, из которых самый ранний—1 октября (30%), а последний—1 апреля (20%). С другой стороны, всего два срока установлено для Дальневосточной области (15 января и 1 апреля—по 50%), Камышской авт. области (1 ноября—70% и 1 мая—30%) и Якутской авт. респу-

блики (1 января—60% и 1 марта—40%). Для прочих же губерний и областей при сохранении общего количества предельных сроков последние передвинуты, а нормы исполнения заданных изменений (увеличены или уменьшены). Объясняются эти отступления, конечно, рядом условий: различной урожайностью, различным временем созревания и жатвы хлебов, условиями реализации хлебпродуктов крестьянством и т. п. Во всяком случае, последний предельный срок—1 мая 1926 г. постановлением не нарушен; в большинстве случаев этот срок обозначен гораздо раньше (большая часть—1 апреля, а для Поволжских губерний—даже 1 марта). По уездам и волостям (и соответствующим административно-территориальным единицам) сроки уплаты налога устанавливаются совнарками автономных республик, областными и губерскими исполкомами.

2. Постановление СНК РСФСР от 28 апреля об утверждении списков городов, для которых повышаются предельные ставки надбавок к государственным налогам и сборам и местных налогов и сборов («Изв. ЦИК СССР» от 22 мая, № 115), основано на ряде постановлений временного положения о местных финансах (прим. 2 к лит. «а», и прим. к лит. «б» ст. 37, прим. 2 к ст. 65 прим. к ст. 71, прим. к ст. 73, ст. 104 и приложение к ней). Списки для разных налогов и сборов не совпадают. Только для Москвы и Ленинграда повышены: предельный размер надбавки к цене патентов, выдаваемых на право продажи питей и табачных изделий, до 200% государственной цены патентов; предельная ставка местного налога с привозимых и вывозимых грузов—соответственно различным категориям грузов:—до пятикратной, десятикратной, пятидесятикратной и пятидесятикратной полудной, почтовой и повагонной начальной тарифной ставки за одну версту пробега данного груза при перевозке по железным дорогам; предельная ставка с плакатов, афиш, реклам в городских поселениях до 1 рубля или 1 р. 04 к. (в зависимости от краткосрочности или продолжительности, от количества, от занимаемого места). Обширнее списки городов, в которых повышены: предельный размер разового сбора, предельные ставки налога с транспортных средств и налога со скота в городских поселениях, а также прописочного сбора в городских поселениях (Москва, Ленинград, Ростов-на-Д., Владивосток). Самым обширным является список городов, в которых допускается на основании особых разрешений поздняя торговля заведенной с отпуском для потребления на месте вина и пива, каковая торговля подлжит особому обложению в порядке п. 2, лит. «а», ст. 37 врем. положения; в список этот включены двадцать шесть городов.

3. Постановление СНК РСФСР от 5 мая об отмене постановлений, утративших силу с изданием Таможенного устава («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113), содержит перечень узаконенный, начиная с декрета 29 мая 1918 г. о разграничении прав центральных и местных советских властей по сборанию пошлин и о регулировании деятельности местных таможенных учреждений («Собр. Узак.» 1918 г. № 39, ст. 50) и кончая постановлением СНК от 10 июля 1923 г. об изменении лит. «д» ст. 19 инструкции по производству таможенных продаж товаров с торгов («Собр. Узак.» 1923 г. № 66, ст. 648); всего утратили силу ввиду с изданием Таможенного устава («Собр. Узак. СССР» 1925 г., № 5, ст. 52) признаны шестнадцать постановлений, в том числе постановление СНК от 1 ноября 1922 г. о таможенной охране («Собр. Узак.» № 58, ст. 734).

4. Постановление СНК РСФСР от 9 мая о мероприятиях по обеспечению семей убитых во время исполнения служебных обязанностей работников леса («Изв.

ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) содержит перечень мероприятий, направленных к обеспечению семей лесорубов, убитых не только во время, но и в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Семьи получают право бесплатно занимать служебное помещение убитого в течение полугодия после его смерти, получать бесплатно лес для отопления помещения для жилья по нормам, установленным для лесорубов (дети до совершеннолетия), сохранить посев на служебном участке убитого до снятия урожая, преимущественно получать в бесплатное пользование дачные и нахотные угодья в лесных дачах, размером до 5-ти десятин и сроком до пяти лет, с освобождением от платежа сельско-хозяйственного налога, бесплатно получать лесные побочные пользования и лес на постройку дома среднего для данной местности крестьянского типа, получать пенсию в порядке социального страхования независимо от обладания трудовым крестьянским хозяйством. Кроме того, работоспособные члены семьи убитого имеют преимущественное право на получение работы в местных органах Наркомзема, а дети также преимущественное право на поступление в учебные заведения. Этим же семьям, а также самим работникам леса, получившим увечья или потерявшим свой живой инвентарь от поджога или ограбления во время или в связи с исполнением служебных обязанностей, выдается пособие, размер которого в каждом отдельном случае устанавливается губземотделом, по соглашению с губфинотделом и губотделом Всеработземлеса.

5. Постановлением СНК РСФСР от 15 мая о минимальных ставках заработной платы для учителей профессионально-технических школ («Изв. ЦИК СССР» от 19 мая, № 112) для этой категории учителей в сельских местностях установлены с 1 января 1925 г. те же минимальные ставки, что были установлены для учителей школ II ступени постановлением СНК СССР от 3-го апреля 1925 г. («Собр. Узак. СССР» 1925 г. № 23, ст. 158). Снижением заработной платы не допускается в тех случаях, где она до настоящего времени превышала установленные минимальные ставки.

6. Постановление ВЦИК и СНК от 4 мая о мероприятиях по усилению работы советов физической культуры («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) намечает следующие мероприятия: выделение в сметах ВЦИК и бюджетах местных органов всех расходов, связанных с содержанием советов физической культуры, организацию губернских фондов путем отчислений от чистого сбора со зрелищ, устраиваемых организациями в пределах губерний, установление порядка издания книг по вопросам физкультуры при участии высшего и местных советов, сохранение занимаемых в госорганах должностей всеми рабочими и служащими, командированными на всесоюзные и международные встречи и праздники по физкультуре, с установлением срока для этих командировок соответственно не более, чем в две недели и в месяц.

7. Постановлением СНК РСФСР от 14-го мая о включении Ленинградского Географического института в состав Ленинградского университета на правах его факультета («Изв. ЦИК СССР» от 22 мая, № 115) признано особое значение науки землеведения и смежных наук.

8. Постановлением СНК РСФСР от 6 мая о понижении для городских поселений Саратовской губернии ставок основной ренты для земель сельско-хозяйственного пользования («Изв. ЦИК СССР» от 20 мая, № 113) понижены ставки основной ренты для земель сельско-хозяйственного пользования во внесудебной части городов этой губернии.

М. Брагинский.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Определения гражд. кассационной коллегии.

Определение по делу № 34312.

Именем РСФСР 1925 г., февраля 24 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам в составе председателя — А. А. Крамер-Агеева, членов Н. М. Иванова, В. С. Селезнева, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Смоленского губ. упр. местхоза к Молоховскому мукомольн. т-ву о 2656 р. 59 к. по договору, по кассационной жалобе Молоховск. мукомольн. т-ва на решение Смоленского губсуда от 10—11/XI—24 г., коим определено:

«Взыскать с Молоховского мукомольного т-ва в лице Я. М. Айзенштадта, А. В. Жиц и В. В. Индина в пользу Смоленского губ. управления местного хозяйства две тысячи двести тринадцать руб. 82 к., а также за ведение дела издержек 5% с присужденной суммы сто десять руб. 65 к. Взыскать с Молоховского мукомольного товарищества 6% судебных пошлин, а именно сто тридцать два руб. 78 к., из коих половину в доход государства, половину в доход местных средств, а также шесть руб. гербового сбора в доход государства. В остальной части иска отказать за недоказанностью».

Рассмотрев настоящее дело, ГКК находит: 1) что п. 5 договора от 20 сентября 1922 года установлена плата за перемол, исчисляемая с каждого пуда зерна $3\frac{1}{2}$ ф., из которых $1\frac{1}{2}$ ф. выдается натурой, а два фунта списывается с суммы продналога; истолкование означенного пункта договора судом, как предусматривающего расплату рожью, в связи с изложением этого пункта следует признать правильным. Что же касается истолкования судом примечания к указанному п. договора, как обязательному для мукомольного товарищества лишь в случае понижения в оплате за помол, то такое не может быть признано правильным. Это вытекает из самого смысла указанного примечания, которое гласит: все могущие произойти на основании распоряжений соответствующих органов НКП в течение действия настоящего договора изменения в оплате для Молоховского мукомольного товарищества обязательны, что следует понимать, что для мукомольного товарищества обязательно не только снижение, но, равным образом, и повышение платы за помол, установленный инструкцией НКП № 44/8343, как имеющий общий характер и распространяющийся, как гласит сама инструкция, на все виды переработки государственного зерна.

2) Вывод суда со ссылкой на показания свидетеля Чаникова о том, что ответчик не доказал размера стоимости затряпного шпагата, не основан на фактических обстоятельствах дела: как видно из протокола, свидетель Чаликов показал лишь, что были случаи выдачи шпагата мельникам, не указав каким именно, из чего нельзя сделать вывода о том, что шпагат был выдан мукомольному товариществу, тем более, что выдача такого истцом документально не доказана и в представленные к делу расчеты не помещена, размер же потребного для зашивки мешков шпагата предусмотрен п. 6 договора.

3) Так как договором от 20 сентября 1922 года на ответчика возложена обязанность доставки перемолотой муки на склады заготовителю в пределах гор. Смоленска, то при

заявлении ответчика о зачете в счет его задолженности заготовителю транспортных расходов суду следовало проверить действительно ли имели место случаи, когда ответчик вопреки договора обязан был по требованию заготовителя доставлять муку на склады, находящиеся за пределами гор. Смоленска, каковое обстоятельство налагало обязанность на заготовителя по возмещению транспортных расходов, понесенных ответчиком в связи с выполнением возложенных на него в таких случаях дополнительных обязательств.

4) При наличии возражений ответчиков против предоставленных истцом расчетов, хотя и подписанных бухгалтером, в отношении их правильности, суду на основании 121 ст. ГК следовало как по заявлению ответчика, так и по собственной инициативе произвести необходимое поверочное действие по представленным доказательствам с помощью сведущих лиц (экспертов), а не ограничиваться ссылкой на то, что ответчик не просил экспертизы бухгалтерских книг, каковой ссылкой в связи с другими указаниями на недостаточность представленных ответчиком доказательств, в частности, в отношении очистки зерна, губсуд в нарушение ст. 5 ГК и общего духа гражданского процесса вводит отмененную Гражд. Проц. Кодексом состоятельность в процессе в то время, как ст. 5, 118 и 121 ГК обязывают суд в случае признания недостаточными представленными сторонами доказательств, затребовать таковые по собственной инициативе и по собственной же инициативе произвести проверку представленных доказательств, как путем экспертизы, так и путем осмотра на месте.

5) Постановлением Экономического Совещания при СНК от 7/2 24 г. для ликвидации претензий ликвидированных и ликвидируемых продовольственных органов предложено губисполкомам организовать специальные комиссии из представителей финотдела, РКИ под председательством лица, назначенного губисполкомом; означенные комиссии распускаются по ликвидации всех дел («С. У.» 24 г. № 18, ст. 183), далее декретом ВЦИК от 21/VI 24 г. («С. У.» № 40 1924 г., ст. 367) устанавливается, что все долги продорганов оплачиваются из касс Наркомфина, а равно все денежные взыскания от разных лиц также должны поступать в кассы Наркомфина. В виду указанных постановлений суду в порядке 166 ст. ГК надлежало, не устрояя из процесса губместхоз, привлечь настоящего истца, или комиссию по ликвидации претензий к органам Наркомпрода, а если последняя у нее ликвидировалась, то местный губфинотдел, так как настоящий иск вытекает из задолженности заготовителя губпродкома, а не из отношений по эксплуатации мельницы.

Постановление президиума Смоленского губисполкома от 8/II 1924 г. о передаче губкоммуналделу дел по мельничному производству, на котором губместхоз основывает свое право на иск, не может распространять право местхоза на получение долгов, следуемых отдельным органам Наркомпрода, без специального на этот предмет постановления надлежавших органов.

На основании изложенного ГКК определяет: решение Смоленского губсуда от 10—11/XI 24 г. отменить и дело для нового рассмотрения передать в тот же губсуд в том составе.

Х Р О Н И К А.

III Всесоюзный С'езд Советов.

III Всесоюзный С'езд Советов в своей работе охватил все стороны жизни Советского Союза.

С'езд Советов единогласно постановил принять в состав Союза две молодые советские республики—Узбекистан и Туркменистан, распространив на них действие договора об образовании СССР и внеся в Конституцию Союза изменения, вытекающие из факта вхождения в состав СССР двух новых союзных республик (число членов Союзного Совета определяется с'ездами советов, количество членов Президиумов Союзного Совета и Совета Национальностей увеличивается до 9, состав Президиума ЦИК'а до 27, число председателей ЦИК'а устанавливается по числу союзных республик, состав пленума Верховного Суда СССР—в 15 членов).

С'езд Советов заслушал доклад т. Рыкова и одобрил деятельность правительства СССР за отчетный период.

Затем С'езд заслушал доклад т. Дзержинского о состоянии промышленности Союза, постановил усилить темп расширения промышленности, проводя это расширение в строго плановом порядке. С'езд признал, что проблема расширения основного капитала, постройка новых фабрик и заводов и закладка новых шахт, равно расширение, переоборудование существующих и изыскание для этого необходимых средств являются первоочередной задачей. Во главу угла восстановления советской промышленности должно быть положено выполнение плана электрификации Союза ССР. В ближайшее время должен быть организован фонд долгосрочного кредитования. Поддержка мелкой и кустарной промышленности должна быть продолжена и в области предоставления кредита, снабжения сырьем, полуфабрикатами и материалами, сбыта кустарных изделий, поощрения трудового кооперирования. С'езд признал, что финансирование восстановления и расширения основного капитала госпромышленности должно быть постоянной и важнейшей заботой Правительства. С'езд отметил необходимость продолжения политики снижения цен, рационализации производства, улучшения его организации, поднятия квалификации, подготовки новых кадров рабочих и технического персонала. В целях усиления борьбы с безработицей промышленных рабочих С'езд признал необходимым принять все меры к привлечению их в расширяющиеся предприятия. С'езд постановил также усилить связь дела изучения в технических учебных заведениях с отдельными отраслями промышленности и научно-технических институтов с практической работой в этих отраслях.

Следующим вопросом, занявшим внимание С'езда, был вопрос о советском строительстве. Докладчиком выступил т. Калинин, указавший очередные задачи в области советского строительства—улучшить советы, оживить их творческую работу, добываясь этого через правильные выборы в советы, через укрепление революционной законности, через самое активное участие рабочих и крестьян как в советской работе непосредственно, так и в надзоре за их работой.

В результате прений по докладу т. Калинина III С'езд Советов принял постановление, предусматривающее ряд мероприятий по вопросам советского строительства. Постановление отмечает необходимость скорейшего изжития и устранения таких недостатков, как: наблюдающаяся в некоторых случаях оторванность советов от широких рабочих и крестьянских масс, умаление роли советов, как коллективной организации, отсутствие должной связи выборных должностных лиц советской власти с самими избирателями, недостаточно полная проработка советами очередных хозяйственных, культурных и политических вопросов на пленумах советов, недостаточно внимательное удовлетворение запросов и потребностей ра-

бочих и крестьян, громоздкая и технически перациональная постановка работы советских учреждений. С'езд в принятом постановлении поручает Президиуму ЦИК'а СССР временно разработать вопрос о выборах в будущем году, имея целью еще более усилить сплочение вокруг советов крестьянских и рабочих масс, и обращает внимание на необходимость крайне осторожного подхода к составлению списков лиц, лишенных избирательных прав. С'езд признал необходимым: дальнейший пересмотр и уточнение компетенции местных советов в целях избежания волокиты, вытекающей из неправомерности местных органов власти решать вопросы местного значения; принятие ряда мер к укреплению хозяйственно-финансовой основы местных советов; разработку на с'ездах советов и на пленумах исполкомов всех вопросов, имеющих большое экономическое и культурное значение; введение в норму регулярных отчетов со стороны членов совета перед избирателями, широкое осуществление права критики работы советов и работы любого органа советской власти; широко развернуть работу комиссий и секций советов; установление более живой связи советов с организациями советской общеполитической; создание более благоприятных условий в работе выборных крестьянок.

С'езд Советов признал, что одна из важнейших задач—твердое проведение революционной законности—«требует двоякого рода мероприятий: по борьбе с нарушениями революционной законности и по ознакомлению населения с законами и с порядками обжалования незаконных действий власти. Мероприятия первого рода требуют усиления борьбы с нарушителями революционной законности, с административным произволом, взяточничеством, грубым и невнимательным отношением к гражданам и вообще со всякого рода фактами злоупотребления власти. В этих целях С'езд Советов Союза ССР признал необходимым безотлагательное проведение в жизнь постановления Президиума ЦИК'а Союза ССР об укреплении начал революционной законности, вовлечение при пере выборах судов в их состав, а также в состав народных заседателей, беспартийных активных крестьян из бедняков и середняков, расширение и укрепление правильной работы прокуратуры, организацию выездных сессий судов и разбор ими в первую очередь дел о злоупотреблениях должностных лиц. Мероприятия второго рода требуют широкого ознакомления рабочих и крестьянских масс с советским законодательством и с порядком обжалования действий органов власти, нарушающих эти законы». Поэтому III С'езд Советов Союза ССР предложил ЦИК'у Союза ССР разработать и провести в жизнь порядок, обеспечивающий ознакомление граждан Союза ССР со всеми законами. С'езд поручил Президиуму ЦИК'а Союза ССР: соответствующим законодательным актом ограничить административные штрафы как в городах, так и в селениях только определенными размерами и случаями, устанавливаемыми в законодательном порядке; выработать и издать постановление об ограничении конфискации имущества по суду, а также продажи имущества за неуплату налогов, штрафов и т. п.

Наконец, С'езд поручил ЦИК СССР обеспечить введение во все выборные советские органы представителей национальных меньшинств, в случае значительной численности национальных меньшинств образование отдельных советов с употреблением языков этих меньшинств, организация школ и судов на родном языке и т. п.

Вслед за докладом о советском строительстве С'езд Советов заслушал доклад т. Каменева о хозяйственной политике сов. власти в деревне, суть которой в настоящий период—развязывание производительных сил крестьянского

хозяйства. Все отдельные мероприятия в деревне—только этапы этого единого пути, на который стала советская власть.

Почему такая хозяйственная политика необходима?

Такая политика необходима потому, что без развития производительных сил деревни процесс возрождения промышленности пришел бы в тупик. Благодаря росту и укреплению промышленности будет расти социальная мощь пролетариата. Хозяйственная политика в деревне зиждется на полном совпадении интересов деревни и социалистической промышленности. Современная хозяйственная политика является углублением прежней политики, ставшим возможным в результате укрепления промышленности, оздоровления бюджета и введения твердой денежной единицы. В национализации земли, монополии внешней торговли, гос. регулировании цен и самой системе советской власти у нас имеется полная гарантия против возрождения капитализма. Форпостом же против кулацких элементов деревни у нас выдвигается кооперация—подлинная школа социализма для крестьянства. Политика в отношении деревни обеспечивает правильные взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, вызывая ускорение движения к социализму, поскольку оно будет происходить общей массой.

По обсуждению вопроса о мероприятиях по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства, III Съезд Советов постановил: одобрить новое положение о сельхозналоге и передаче 100 млн. из него в волостной бюджет; решительно запретить всякое незаконное дополнительное местное обложение крестьянства; закончить проведение землеустроительной работы в основных районах в десятилетний срок, приняв на счет государства оплату этой работы для бедняцких хозяйств; признать необходимым в малоземельных губерниях передачу крестьянству части земель госфонда, если эти земли используются нецелесообразно или не по прямому назначению, и окончание к 1 августа 1925 г. передачи крестьянам лесов местного значения; строго соблюдать право свободного выбора форм землепользования; решительно бороться с попытками частных пределов земли; устранить препятствия к использованию права крестьян на сдачу земли в аренду, категорически запретив субаренду; одобрить временные правила от 18/IV—25 г. об условиях найма и применении подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах; принять меры: к восстановлению в 5-летний срок конского состава и развитию коневодства, к обновлению и пополнению мертвого инвентаря, к усиленному введению в крестьянское хозяйство сложных машин (тракторов), усиленному производству и размножению улучшенных семян; продолжать политику снижения цен на производимые госпромышленностью товары; поставить задачей обеспечение продуктам крестьянского хозяйства сбыта на зарубежных рынках, содействуя одновременно развитию соответствующих отраслей сельского хозяйства, в частности, путем привлечения к делу вывоза и ввоза сельхозкооперации; признать необходимым всемерное содействие государства в деле восстановления и организации заводов, перерабатывающих крестьянское сырье, хранения и транспортировки продуктов сельского хозяйства; провести в засушливых районах меры, гарантирующие население от бедствий неурожая; разработать меры по облегчению кустарной и ремесленной промышленности путем организации для кустарей льготного кредита, а также снабжения их необходимыми материалами, содействуя одновременно технической подготовке крестьянской молодежи; устранить административные препятствия к мелкой крестьянской торговле; усилить работу по подготовке свободных для переселения земель, снабжая переселенцев необходимым инвен-

тарем; оказывать всемерную поддержку делу кооперативного объединения крестьянского хозяйства (постановление Съезда подробно перечисляет ближайшие задачи сельхозкооперации и определяет условия их выполнения); признать основной задачей в деле организации кредита для крестьян удлинение срока кредита и его удешевление, для чего, с одной стороны, увеличить средства Центрального и республиканских с.-х. банков теперь же не менее, чем на 100 млн. руб., с другой—всемерно привлекать сбережения населения в низовые сельхозкредит кооперативы и сельхозбанки. Постановлением Съезда наблюдение за проведением всех названных мер возложено на паркоматы земледелия союзных и автономных республик. Вместе с тем Съезд постановил провести ряд мер, способствующих усилению земельных органов, подчеркнув, что все мероприятия по поднятию и укреплению крестьянского хозяйства должны сопровождаться установлением строгой законности и усиленной работой по поднятию общего культурного уровня населения.

Съезд Советов далее посвятил свою работу вопросам денежного хозяйства СССР. С докладом о финансовом положении выступил т. Сокольников.

В результате доклада и прений по нему III Съезд Советов постановил: одобрить представленный СНК СССР бюджет на 1924—25 г., поручить НКФину Союза СССР разработать проект перехода в 1925—26 г. от системы ориентировочного годового бюджета к твердому годовому бюджету, поручить ЦИК'у и СНК СССР руководствоваться необходимостью достигнуть в предстоящем году значительного увеличения налоговых и неналоговых поступлений за счет расширения торгового оборота и всего хозяйства на основе общего роста производительных сил; провести устойчивое закрепление за союзными республиками доходных источников и уточнить бюджетную компетенцию автономных республик; считать необходимым расширение объема волостных бюджетов, сводя их сумму около 300 млн. руб.; поручить СНК обеспечить своевременное ассигнование субвенционных фондов; поручить НКФину приступить к подготовке исчерпывающей реформы сельхозналога; продолжать работу по улучшению промыслового и подоходного налогов; принять меры к сокращению числа местных налогов и сборов, а также к упорядочению арендных и коммунальных платежей в местном хозяйстве; исключить из практики взимание каких бы то ни было неразрешенных законом налогов и сборов; признать необходимым принять меры к максимальному увеличению доходов от госимуществ. В основу всей бюджетной, кредитной и хозяйственной работы полагать принцип сохранения твердой валюты, продолжая политику увеличения золотых резервов Союза ССР; поручить руководящим хозорганам неуклонно осуществлять политику, направленную к уничтожению дороговизны, закрепляя, таким образом, денежную реформу; считать необходимым большее применение в сельском хозяйстве и промышленности долгосрочного кредитования; принять меры к обеспечению развертывания жилищного строительства; поручить ЦИК и СНК СССР разработать план систематической борьбы с безработицей.

Последним Съезд заслушал доклад т. Фрунзе о Красной армии и флоте.

В конце своих работ III Съезд Советов, по принятии в целом постановлений по докладам, избрал Центральный Исполнительный Комитет СССР. Общий состав членов Союзного Совета избран в 450 человек и 199 кандидатов к ним. Совет Национальностей определен в 131 человек и 53 кандидата к ним. Таким образом, ЦИК СССР III созыва состоит из 581 члена и 252 кандидатов.

ПО АВТОНОМНЫМ РЕСПУБЛИКАМ.

Деятельность Башкирского Народного Комиссариата Юстиции и Башкирского Главного Суда.

В сравнении с 1923 годом в 1924 г. состав работников прокуратуры, суда и следствия повысился: в национальном отношении число башкирских работников увеличилось—по прокуратуре на $1\frac{1}{2}\%$, составляя в общем $11,5\%$ общего числа работников; по Башглавсуду—на 18% при $28,6\%$ общего числа работников; по камерам нарсудей и нарследователей—на $13,3\%$, при $53,8\%$ от общего числа. Прокуратура усилена партийными работниками на $6,8\%$ при $25,8\%$ общего числа работников; ответственные работники прокуратуры на 100% партийные.

Состав Башглавсуда и его органов по партийности остался без изменения, имея партийных по Башглавсуду $19,5\%$ и нарсудей и нарследователей $66,3\%$.

По образованию: в прокуратуре за счет лиц со средним образованием увеличилось число работников с высшим образованием на $5,2\%$ и с низшим на $8,3\%$; по Башглавсуду с его органами увеличилось число лиц со средним образованием на 9% . Число рабочих увеличилось: в прокуратуре на $15,2\%$ и по Башглавсуду на 8% .

В целях усиления аппарата юстиции сотрудниками из рабочих наркомост для прохождения Казанских областных юридических курсов командировал 34 человека, из которых рабочих от ставки 26% , вместо 5% при командировке в 1923 г. Затем путем чтения лекций и докладов на юридические темы в рабочих районах подготавливается в самой массе рабочих контингент товарищей, наилучшая часть которых может быть привлечена к работе в органах юстиции.

Для поднятия квалификации, помимо чтения лекций по отдельным правовым вопросам, весной 1924 г. были проведены трехмесячные юридические курсы, слушателями которых были сотрудники наркомоста, Башглавсуда, нарсудей и нарследователи гор. Уфы, в числе 42 человек; прочтено 90 лекций; с января месяца 1925 г. организованы вторые курсы с допуском в качестве слушателей всех желающих трудящихся с предварительной проверкой социального происхождения. Для проверки знаний работников в кантонах была выработана и преподана на места специальная программа испытаний; испытание проведено повсюду.

Поднятие квалификации работников проводится и в процессе практической работы путем ревизий, обследований, планомерным и систематическим учетом допускаемых ошибок и дачей основанных на этом учете руководящих указаний.

Подготовлен к изданию в переводе на башкирский язык ряд юридических руководств и пособий, часть которых уже отпечатана и печатается. Судоворение в большинстве случаев ведется на языке большинства сторон с переводчиком для остальных. Из 116 участков нарсудов и следователей делопроизводство ведется на башкирском языке в 46-ти участках; за 9 месяцев 1924 г. Башглавсудом и нарсудами рассмотрено на башкирском языке 2477 дел и проведено у нарследователей 219 дел; эти цифры являются значительно преуменьшенными в виду отсутствовавшего некоторый период времени точного учета. Аппарат НКЮ и ВС построен для ведения всей переписки и дел как на русском, так и на башкирском языке. Введено правило: в участках, где судья или следователь русский, один из сотрудников должен быть из башкир, и наоборот. Предполагается перерайонирование судебных и следственных участков, исходя из большинства национального состава населения данного района. Обращается внимание на обслуживание наименьшинств.

Перейдем к работе прокуратуры.

Общий надзор прокуратуры, осуществляющийся от случая к случаю, получает твердую, четкую и систематическую организацию, все шире и глубже охватывая сферу работы отдельных ведомств и хозяйственных организаций.

Входя в оценку данного действия, неспавшего в поле внимания отдела прокуратуры, последний не ограничивает свое суждение по нему рамками формы, но и освещает это действие с точки зрения целесообразности и социально-хозяйственной полезности его. В отличие от буржуазной прокуратуры советская прокуратура не дремлет в трясине казуистики, а выведена на широкий простор живого государственного творчества.

В качестве мер предупреждения незаконных действий отдел прокуратуры Башкирской республики практикует: а) указание на допущенную каким-либо органом ошибку и предложение исправить ее, что в громадном большинстве случаев этим органом и исполнялось, с усилением своей несправоты; б) предварительный просмотр отделом прокуратуры проектов постановлений и дачу по ним указаний на неправильности.

В результате такого порядка надзора постановления органов местной власти были опротестованы центральной прокуратурой всего лишь в 46 случаях.

Такой же общий надзор систематически осуществляется и в кантонах помощниками прокурора, согласно разработанного ВНКЮ плана, преподанного местам в июле 1924 года.

Работа юрисконсультского отдела ВНКЮ за 1924 г. выражается в следующем: дано заключений по запросам разных ведомств—627; составлено проектов постановлений и распоряжений власти—336; издано циркуляров—41, дано представителям госучреждений устных консультаций—977.

К октябрю 1924 г. закончилась организационная работа по объединению деятельности юрисконсультов госучреждений и предприятий гор. Уфы и по надзору за ними. Мера эта имеет громадное практическое значение; она позволяет произвести подбор юрисконсультов, отвечающих званому назначению, руководить работой их, предупреждать и устранять в ней все нездоровые уклоны. Этот вопрос об объединении юрисконсультов и об упорядочении их работы поднят Башнаркомом впервые в СССР, и правильность разрешения его подтверждается возникшими затем суждениями по нему среди работников юстиции РСФСР и УССР.

В целях поднятия квалификации юрисконсультов и разрешения возникающих сложных и спорных юридических вопросов под руководством юрисконсультского отдела организованы с 11 июня 1924 г. и проводятся особые совещания. Юрисконсультский отдел имеет образцовую, постоянно пополняемую юридическую библиотеку.

Работа отдела прокуратуры сводилась к надзору за органами дознания, следствия, за комиссиями по делам несовершеннолетних, земельными комиссиями, местами лишения свободы; к возбуждению преследований по собственной инициативе, по заявлениям граждан и по сообщениям прессы; к поддержанию обвинения в суде; к наблюдению за делами о нарушениях Кодекса законов о труде и, наконец, к наблюдению за приведением приговоров и решений в исполнение. Конкретно по всей этой разносторонней области работы прокуратура выполнила в 1924 году следующее. В целях поднятия квалификации работников милиции и уголовного прокуратура совместно с Башглавсудом выработала особую программу лекций, каковая уже пройдена работниками в большинстве кантонов. Кроме того,

для работников органов дознания гор. Уфы почти в течение всего 1924 г. читались лекции, курс каковых прослушало 50 чел. В результате этих мер и инструкторов в процессе практической деятельности работа органов дознания качественно значительно улучшилась; это подтверждается тем, что дознания возвращаются для дополнения их все в меньшем и меньшем количестве. Надзор за следствием осуществляется помощниками прокурора путем личного посещения следственных участков и систематическим наблюдением за каждым находящимся у следователей делом. Лишь с помощью прокуратуры удалось создать комиссии по делам о несовершеннолетних, входящие в ведение БНКПроса; последним было выработано положение о канткомиссиях. Фактически же последние организованы помощниками прокурора. Надзор за земельными комиссиями в 1924 г. не дал сколько-либо заметных результатов, в силу их общего плохого организационного состояния. Прокуратура участвовала в двух комиссиях по разгрузке домов работ; посещений представителями прокуратуры мест лишения свободы всей Башреспублики было 292, при чем освобождено незаконно содержащихся 87 человек; от заключенных было принято 1942 жалобы, из коих получило движение 1761. Прокуратура при особой трудовой сессии фактически создана с 1 октября 1924 г.

В целях инструкторов инспекторов труда проведено одно заседание. Дела по трудовым нарушениям, обнимающие группы рабочих, рассматривались в рабочих районах. Прокуратура имела надзор и за своевременной выплатой зарплат, а также и за внесением взносов социального страхования; по нарушениям этого порядка прокуратура возбуждала в четырех случаях преследование против частных лиц.

Особое внимание прокуратура оказывает вопросу установления связи с рабочими и селькорами, проводя объединение их в кантонах и преподавая им указания для практической работы по выявлению нездоровых явлений; возбуждение преследований по газетным заметкам значительно увеличивается, при чем с начала 1925 г. установлен точный учет этих случаев.

Через центральную и кантональную прокуратуру в 1924 году прошло 19.153 дела, более 1923 года на 7.696 дел; осталось неоконченных дел на 1 января 1925 г.—54.

В целях ликвидации правовой неграмотности населения в гор. Уфе прочитан ряд лекций на правовые темы в рабочих районах; через эти лекции пропущено более 7000 рабочих; подобные же лекции читались и в кантональных центрах. Башнаркомюст от случайной работы в этом направлении перешел на плановую, систематическую, перебрасывая ее в массу крестьянства, кроме чтения лекций, устраивает периодически в рабочих районах вечера вопросов и ответов; каждому судебному и следственному работнику, а также и прокуратуре, предложено при каждом своем выезде в кантон читать крестьянам лекции и доклады на правовые темы, что уже осуществляется практически; ведется теоретическая подготовка нарзаседателей, создан институт общественных обвинителей и защитников и предложено местным органам юстиции энергично вести подготовку их.

Даны инструкции, предлагающие изыскивать все меры к вовлечению в работу юстиции женщины, выдвигая ее в роли нарзаседателя, общественного обвинителя и защитника; очень широко проводится организация оказания бесплатной юридической помощи трудящимся через членов коллегии защитников и через работников юстиции, при чем наркомюстом разработано положение о районных бюро юри-

дической помощи, рассчитанных на обслуживание крестьянских масс, доселе находившихся во власти подпольной адвокатуры; в большинстве кантонов эти бюро уже организованы и работают. В 1924 г. выездные сессии в целях популяризации суда в 13 сельских пунктах разобрали 94 дела.

Работа Башглавсуда за три четверти 1924 года характеризуется следующими цифровыми данными движения дел: по уголовно-судебн. отд. находилось в производстве 1.823 дела, окончено 1.060 дел, по уголовно-кассац. отд. находилось в производстве 3.304 дел, окончено 2.847 дел, по гражд.-суд. отд. находилось в производстве 241 дело, окончено 108 дел, по гражд.-кассац. отд. находилось в производстве 1.650 дел, окончено 1.265 дел, всего находилось в производстве 7.015 дел, окончено 5.340 дел. За тот же период времени 1923 г. общее количество находившихся на производстве дел было 4.578 и окончанных из них 3.351 дело.

На производстве 67 участков нарсудов за 9 месяцев 1924 г. состоялось 77.586 дел; за тот же период времени 1923 г. на производстве было 64.642 дела, при чем за 9 мес. 1924 г. было окончено 60.644 дела, а за 9 мес. 1923 г. 46.124 дела. Таким образом, нагрузка, выпоненная нарсудами в 1924 г. также значительно большая в сравнении с 1923 годом.

Во всех 48 следственных участках за 9 месяцев 1924 г. было на производстве (с остатком от 1923 года в 4.197 дел) 10.654 дела, из них окончено 8.438 дел. За тот же период 1923 года было окончено дел 4.314.

В основе исправительно-трудовой политики заложен принцип: возможное приближение момента наказания к моменту совершения преступления. Этот принцип осуществляется: стремлением разгрузиться от старых, утративших свой интерес дел; упрощением и ускорением следственного производства; вниманием, уделяемым прокуратурой и всеми судебными работниками инструкторов и обучению милиции, как органа, на котором лежит задача по борьбе с преступностью в сельских местностях. Все принимаемые Башглавсудом меры пока еще не достигают желательных результатов, следствие по делам производится долгое время, а суд не в состоянии рассматривать дела с надлежащей быстротой. Основными препятствиями являются: еще не совсем ликвидированная залежь дел; слишком огромная территория судебных и следственных участков, способствующая загромождению участков делами и препятствующая надлежаще быстрому следственным действиям; недостаточность финансирования также играет значительную роль, парализуя работу судебных и следственных органов и не давая возможности устраивать выездные сессии.

Организационная работа коллегии защитников велась в 1924 г. под знаком развертывания аппарата по Башреспублике и приближения юридической помощи к широким массам трудящихся.

Стеснявший коллегии предельный комплект в 30 человек в апреле мес. был отменен ВЦИК. По мере заполнения кантонных центров членами коллегии, в таковых организовались бюро бесплатной юридической помощи.

С апреля 24 г. при Башцентроисправдоме открыта консультация, функционирующая один день в неделю. Советы даются как на русском, так и на башкирском языках. Организованы консультации и при профсоюзах. В кантонах консультации организованы при уполномоченных ВСПС. С августа 24 г. члены коллегии защитников работают и в юридическом бюро при женотделе, выполняя дежурства три раза в неделю и выступая на суде по поручению бюро. Об оказании юридической помощи населению широко извещается рассылкой особых плакатов.

В. Поскребалов.

НА МЕСТАХ.

С'езд работников юстиции Кунгурск. окр. Уральской области.

В марте с. г. в г. Кунгуре происходил объединенный с'езд работников юстиции, органов дознания и коллегии защитников Кунгурск. окр. С'езд подвел итоги работы этих органов за первый год после районирования Урала. Оценка этих итогов свидетельствует о том, что в условиях районированного округа, как и всего Урала, советская юстиция подошла, несомненно, ближе к населению; вместе с тем улучшилась и постановка работы в судебно-следственном аппарате: если на 1 марта 1924 г. у каждого судьи было в производстве 700—800 дел, у следователя 120—150 и даже до 230 дел, из которых до 60% была заваль 1921—22 и даже 1920 г.г., то на 1 марта 1925 г. мы имеем у судьи 130—200 дел, у следователя 15—20, максимум 31 дело, из которых только 5—8% дел 1923 г.

Большой недостаток—отсутствие средств на выезды, что не позволяет популяризировать советское законодательство путем проведения показательных процессов на местах. Очень слабо проводилась правовая работа среди населения, и особенно мало в этом отношении сделано коллегией защитников, 80% работы которой проведено в городах и только незначительная часть работы пала на деревенское население. В работе органов юстиции еще недостаточно усвоены и не в полной мере проводятся классовые принципы и методы нашей судебно-карательной политики. Необеспеченность судебно-следственных работников (зарплата судьи—49 руб., нарследователя—45 р.) не позволяет им приобрести нужную литературу по вопросам права и тем самым повысить свою квалификацию.

В основном работа с'езда проходила под лозунгом «Лицом к деревне». Вопросы, касающиеся практической работы органов юстиции и их задач, прошли под знаком борьбы за революционную законность. Постановлено провести ряд мероприятий: обязать нарсудей проводить систематическое инструктирование нарзаседателей в правовом отношении, создавая из них юридические кружки и оказывая через последние юридическую помощь крестьянству; всем работникам юстиции по выработанному плану выезжать в деревни для проведения бесед, докладов и пр. по наиболее интересующим население правовым вопросам с таким расчетом, чтобы в течение года не осталось непосещенным ни одного сельсовета в округе; в целях более успешного внедрения революционной законности в деревне ускорить организацию районной прокуратуры, которой теснее связаться с раб-и селькорами, оказывая последним всемерную поддержку в их работе.

В связи с расширением подсудности нарсудов и функций нарследователей судебно-следственный аппарат нуждается в отпуске средств на необходимую юридическую литературу. Такое положение, как сейчас, когда во многих участках нет даже «Еженед. Сов. Юст.», не говоря о другой литературе, не может быть более терпимо.

Нарследователь 1 уч. г. Кунгура Д. Давыдов.

Совещание деятелей советской юстиции Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ.

Состоявшееся в апреле 1925 г. совещание работников юстиции Пошехоно-Володарского у. Яросл. губ. прошло под лозунгом «Лицом к деревне» и укрепления революционной законности.

Совещание высказалось за постановку во всей широте перед местными партийными и профессиональными организациями, советами в городе и волостях и органами дознания вопроса о совместной решительной борьбе за революционную законность. Совещание признало необходимым: ознакомить трудящихся с исправительно-трудовой политикой, не допускать усиления репрессий при проведении показательных судебных процессов лишь потому только, что они показательны, чутко прислушиваться судам к общественному мнению и добиваться, чтобы каждый приговор пролетарского классового суда был не только приговором, определяющим меру социальной защиты к осужденному, но и имел бы значение в области выработки новой идеологии... Призвано целесообразным более мягкое определение мер социальной защиты для несовершеннолетних правонарушителей (независимо от ст.ст. 18а и 18б УК) и выравнивание мер воздействия, применяемых административными органами.

В деле борьбы с бюрократизмом и канцелярской волокитой совещание нашло необходимым наиболее широкое вовлечение профорганизаций. Учитывая значительный рост преступности в области присвоения и растраты должностными лицами государственного и общественного имущества, постановлено усилить работу следственно-розыскных органов по выявлению данных преступлений (пропуская дела срочно). Совещание подчеркнуло, что связь с корреспондентами и их заметки надлежит использовать не только прокурорскому надзору, но также и органам суда, следствия и дознания, приравняв на себя и самую защиту корреспондентов от различного рода покушений и т. д.

Заслушав доклад о деятельности комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей, совещание высказалось: а) за установление посещений со стороны комиссии тех семейств, несовершеннолетние из числа коих прошли через комиссию, для наблюдения за применением к последним мер медико-педагогического характера; б) за осуществление связи с родителями несовершеннолетних правонарушителей для обсуждения вопросов, связанных с воспитанием последних; в) за связь комиссии с местным педагогическим персоналом и комиссией по оказанию бесплатной юридической помощи матерям и несовершеннолетним; г) за организацию колонии для несовершеннолетних правонарушителей.

По докладам с мест совещание решило: усилить работу судей и следователей в области популяризации сов. права, в целях удобства сосредоточить камеры нарследов в городе, возбудить перед губсудом вопрос об увеличении количества следучастков, нарсудьям подтвердить их обязанность проводить собрания и собеседования с нарзаседателями, перед губсудом выдвинуть вопрос об изыскании средств для оплаты труда нарзаседателей, при вынесении нарсудами приговоров и решений более ясно и точно мотивировать их.

Одной из очередных задач следователей признана разгрузка участков от старых дел с установлением в каждом участке максимума в 20—25 дел.

Нарсудам предложено теснее связать свою практическую деятельность с работой ВИК, земкомиссий и органов дознания.

Н. Пушкив.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. А. АРХИПОВ. Советские автономные области и республики. ГИЗ. М. стр. 124, ц. 1 р.

Вопросы советского автономно-федеративного строительства в последнее время привлекают внимание как теоретиков, так и практиков.

Национальное самоопределение, провозглашенное в «Декларации прав народов России» и осуществленное с созданием Союза Советских Социалистических Республик, еще, однако, полностью не завершено и автономно федеративное строительство продолжает развиваться в рамках Союза.

Поэтому чрезвычайно своевременен выход в свет рецептурной книжки, посвященный строительству автономных областей и республик. Обзорю положения автономных единиц предшествует глава «Проблемы автономии». В приложении даны некоторые законодательные материалы, в том числе, кажется, впервые публикуемые конституции Крымской и Туркестанской республик.

С некоторыми положениями автора нельзя согласиться. Так его толкование в основе данного им правильно определения федерации приводит его к выводу, что членами Российской Федерации являются также и губернии, однако, все же нельзя признать, что они посылают на Всероссийский Съезд именно своих представителей, как особые автономные единицы. При таком толковании пришлось бы призвать федерацией и царскую Россию, постольку в государственном совете было определенное представительство губернских земств.

Спорным также является вопрос о том, входят ли автономные республики и автономные области в Союз ССР, как члены хотя бы второго и третьего разряда. Автор придерживается также данного им еще в 1923 г. определения положения Грузии, Армении и Азербейджана, как автономных республик. В противоположность этому утверждению С. А. Котляревский считает их союзными республиками. Во всяком случае, мне представляется, что считать их автономными, хотя бы и «кавказской» группы, как делает это К. А. Архипов, нет оснований (см. мою работу «Очерки государственного устройства СССР». М. 1925 г.).

Все это не лишает, однако, книжки К. А. Архипова ее значительных достоинств. Надлежит специально отметить как эрудицию автора в иностранной литературе, так и знание им практики советского строительства.

Недостатком книжки является язык автора — чрезвычайно «ученый», что затруднит пользование книжкой учащимися и широкой массой читателей.

А. Турубинер.

И. ПЕРЕТЕРСКИЙ. «Очерки международного частного права». ГИЗ. Москва, 1924 г. 114, стр.

Работа И. Перетерского, посвященная вопросам международного частного права, представляет собой первую попытку дать систему советского частного международного права. Правда, хронологически работе И. Перетерского предшествовала книга проф. А. М. Макарова на эту же тему под заглавием: «Основные начала международного частного права». Однако, эта работа именно не может быть признана системой советского частного международного права, т. к. автор в своем изложении по преимуществу следовал общепринятой в европейском праве концепции, применяя к советскому праву те же понятия. Наоборот, И. Перетерский в своей работе исходит из законченной концепции советского права, стремясь дать совершенно само-

стоятельную систему права, при чем для более яркой иллюстрации этой системы автор сопоставляет отдельные положения ее с принятыми в буржуазном частном международном праве нормами.

Нельзя не согласиться с автором в том, что международного частного права, как реального права международного порядка, не существует и что речь может идти лишь о собрании внутренних норм данного государства, касающихся коллизий с иностранным законодательством. С этой точки зрения представляется непонятным, почему автор, сознавая неправильность общепринятой терминологии и отмечая ее в своей книге, остается ей верными, несмотря на наличие значительно более точного термина «коллизийное право», имеющего все основания на то, чтобы получить в науке право гражданства.

Равным образом, представляется правильной и вторая мысль автора, положенная в основу его системы, а именно, признание нашего международного частного права правом переходного периода, правом классовым, советским, представляющим собою компромисс лагеря капитализма и социализма. Однако, выводы, которые автор делает из этой посылаки, вызывают некоторые сомнения. Так автор утверждает, что «только там, где наши законы это положительно указывают, может идти речь о применении чужого и чуждого нам права и в затруднительных случаях судья (и иной применяющий право орган) должен искать решения... в общих началах советского законодательства и общей политике рабоче-крестьянского государства». Как будет указано ниже, советская практика признает применение иностранных норм не только в тех случаях, когда это прямо указывается законом. Точно также вызывает сомнение и связанное с приведенной мыслью автора определение публичного порядка. По мнению автора, «в силу публичного порядка РСФСР применение иностранного закона не может быть допущено во всех тех случаях, когда это применение может привести к ослаблению диктатуры пролетариата, к нарушению хозяйственного строя РСФСР, к эксплуатации человека человеком, когда государственный закон не исходит из расового или национального неравноправия, либо основан на соображениях религиозного свойства, а равно когда иностранный закон приводит к осуществлению прав в противоречии с их социально-хозяйственным назначением». Нельзя не признать этого определения чрезмерно широким и фактически приводящим к неприменению иностранных норм в СССР. По нашему мнению, именно такое толкование публичного права находится в противоречии с мыслью автора о том, что наше международное право является правом-компромиссом двух разнородных социальных систем. Следует иметь в виду, что всякое такое понятие носит двусторонний характер. Широкое толкование публичного порядка у нас связано со столь же широким его применением к нам за границей. Это последнее означало бы полную невозможность деятельности наших юридических лиц, и в частности, наших торгпредств за границей, применение наших законов в отношении филиалов национализированных в СССР предприятий, банков и т. д., признание за нами права собственности на национализированные товары, применение нашего права наследования в отношении наших граждан за границей и т. д. и т. д. Таким образом, следует признать, что именно советское право, право переходного периода, выдвигает необходимость более осторожного и ограничительного применения понятия «публичного порядка». И буржуазным странам, вынужденным ходом событий со-

жить с государством чуждого им правопорядка, приходится «*vol no pol no*» пересматривать установившиеся взгляды на пределы допустимого в данной стране применения иностранного закона. Достаточно указать на известные решения заграничных судов (английское—дело Селора, американское—дело Вульфсон, финское—дело Продукт и т. д.), которые исходили из признания на своей территории последствий применения в СССР уничтожающих право частной собственности законов. Разумнее, и наоборот, поскольку мы экономически связаны (торгуем и т. д.) с окружающими нас капиталистическими странами, нам приходится неизбежно допускать и у нас применение иностранных законов, хотя бы они и противоречили нашему праву.

Разность двух правовых систем при необходимости неизбежного экономического сотрудничества, естественно, должна породить развитие договорного права, устанавливающего на основе взаимности применение иностранного права и пределы его. Однако, советское право знает применение иностранных норм и вне договорного порядка. Наиболее характерным примером является применение в СССР иностранных законов в отношении наследования иностранцев. Так известно, что мы на основе взаимности допускаем передачу движимого имущества наследодателя консульскому представителю гос-ва наследодателя для поступления с ним согласно законов его страны (применение национального иностранного закона), хотя бы между СССР и соответственным государством не было на этот предмет какого-либо специального соглашения. В этой связи можно указать на обмен нот, имевший место в апреле с. г. между НКВД и Шведской миссией, отражающий указанные выше принципы.

Общая тенденция т. И. Перетерского придать нашему праву сугубо территориальный характер, тогда как это указано выше, такая строгая систематическая последовательность вовсе ему и не присуща, приводит его к некоторым конкретным ошибкам. Таково его утверждение, что в наследовании «право РСФСР придерживается существенно иной точки зрения и, в виде общего правила отрицает применение национального закона иностранца». Это утверждение, как это было указано выше, противоречит существующей практике. Равным образом, совершенно ошибочным следует считать утверждение И. Перетерского в отно-

шении нашего коллизионного брачного права. Таковы его соображения о неприменимости в РСФСР консульского дипломатического брака, противоречащие факту широкого применения этой формы брака нами за границей, соображения о регистрации браков, заключаемых у консульских представителей СССР за границей (подробно об этом см. нашу статью «О действительности браков, заключаемых гражданами СССР за границей»,—«ЕСЮ» № 15 от 18/4—25 г.), и т. д.

Хотелось бы еще указать на один, по нашему мнению, методологический неправильный прием в работе автора—это построение всей системы частного международного права исключительно на праве РСФСР. Вызывает глубокое сомнение самая попытка построения системы не вообще советского права, а какой-то особой советской системы права РСФСР и тем более частного международного, где советская система вообще, а не система РСФСР, должна быть противопоставляема буржуазным системам. Права советских республик не могут различаться в основном и принципиально: системы этих прав, естественно, совпадают. И было бы целесообразным искать восполнения пробелов законодательства РСФСР в законодательствах остальных советских республик. И, действительно, если бы автор использовал такой метод учета всего законодательства СССР, он избегнул бы некоторых, несомненно, ошибочных выводов*).

Несмотря на отмеченные дефекты, книга И. Перетерского представляет живую попытку суммирования коллизионных норм нашего права и намечает пути их конструирования под советским углом зрения. В этом смысле книга заслуживает всяческого внимания советского юриста.

Марбер.

*) Так утверждение автора о территориальном характере наследственного права находилось бы в прямом противоречии (помимо приведенных выше соображений) с ст. 12 декрета № 64 СССР Грузии от 8-го августа 1921 г., которая говорит: «Все вопросы, касающиеся наследства, оставшегося после смерти иностранца, разрешаются на основании конвенции, заключенной Грузией с тем государством, к которому принадлежит умерший иностранец. Если же такая конвенция не заключена, то применяются законы о наследовании, действующие на родине умершего».

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Циркуляры Наркомюста: №№ 96, 101, 102, 103, 104, 105.—Раз'яснения пленума Верховсуда.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр *НКЮ № 96.*
НКФ № 1035.

Всем обл. и губ. судам и прокур. РСФСР. наркомфинам автон. республик, уполнаркомфинам, зав. край, обл. и губ. финотдел.

Об обязательном в подлежащих случаях засвидетельствовании и совершении договоров в нотариальном порядке.

Несмотря на издание циркуляра Верховного Суда Республики от 10-го ноября 1923 года за № 68 («В.Ф.» 1923 г. № 3, стр. 18) о безусловном и точном соблюдении ст. 137 Гражданского Кодекса, некоторые государственные учреждения и предприятия продолжают систематически уклоняться от засвидетельствования и совершения договоров нотариальным порядком в тех случаях, когда такой порядок засвидетельствования обязателен для их действительности в силу требования закона (ст.ст. 72, 137, 153 и др. Гражд. Кодекса).

Сообщая изложенное, Наркомюст и Наркомфин предлагают подведомственным органам строго и неуклонно наблюдать за исполнением госучреждениями и предприятиями требования закона об обязательном в подлежащих случаях засвидетельствовании и совершении договоров в нотариальном порядке, доводя до сведения прокуратуры о всяком нарушении должностными лицами ст. 137 и др. Гражд. Кодекса для привлечения их к ответственности.

Народный Комиссар Юстиции и
Прокурор Республики Курский.

Зам. Народного Комиссара Финансов Левин.

8/18 мая 1925 г.

Циркуляр *НКЮ № 101.*
НКФ № 1047.

Краевому, губ. и обл. финотделам, губ. и обл. судам и прокурорам.

О порядке расходования кредитов по § 4 сметы НКЮ.

В виду поступающих с мест сведений о недостатке кредита по § 4 на почтово-телеграфные расходы, НКФин и НКЮст, в виде исключения, разрешают губ. и обл. судам и прокурорам в случае недостатка назначений по расходным расписаниям в мае или последующих месяцах, расходовать в настоящем бюджетном году кредиты по § 4-му следующего за операционным месяца, но в размере не свыше 25% ежемесячного назначения, т. е. в мае не свыше 25% июньских кредитов, в июне не свыше 25% июльских кредитов и т. д.

Открытие кредитов в операционном месяце за счет кредитов последующего месяца производится органами НКФина по отдельным в каждом месяце ходатайствам губ. и областных судов и прокуроров.

Зам. Наркома Финансов РСФСР Левин.

Зам. Наркома Юстиции и Ст. Пом.

Прокурора Республики Крыленко.

16/20 мая 1925 г.

Циркуляр № 102.

Всем губ. и обл. (краевым) судам и финотделам.

О пределах давности по правонарушениям, предусмотренным 1 ч. ст. 139а УК.

В виду запросов с мест, НКЮ и НКФ раз'ясняют, что вложение взысканий за правонарушения, предусмотренные ч. 1-й ст. 139-а УК («С.У.» 1925 г., № 5, ст. 31), согласно постановления ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г. («С. У.» 1925 г., № 1, ст. 11), должно производиться исключительно в порядке административном и притом в пределах давности, установленной ст.ст. 21 и 22 УК. Месячная давность по нарушениям обязательных постановлений, предусмотренная п. «в» ст. 9 положения о порядке изда-

нии обязательных постановлений от 27 июля 1922 г. («С. У.» 1922 г., № 48, ст. 603, и циркуляр НКЮ № 14—1924 г.), к которому отсылает постановление ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г., к нарушениям, предусмотренным 1-й ч. ст. 139-а, неприменима.

Судебные органы принимать к своему производству дела по этим нарушениям безусловно не должны.

Народный Комиссар Юстиции и
Прокурор Республики Курский.

Зам. Народного Комиссара Финансов РСФСР Левин.

18 мая 1925 г.

Циркуляр № 103.

Всем губ. и обл. судам и прокурорам.

О представлении отчетности по зарплате.

Постановлением СТО и СНК СССР от 8 и 11 августа 1924 г. установлена бухгалтерская отчетность по заработной плате, которая должна быть составлена за время с 1 октября 1924 г. по всем подведомственным НКЮ учреждениям, как состоящим на государственном и местном бюджетах, так равно и получающим зарплату из специальных средств (нотариат).

Порядок составления отчетов определяется инструкцией по бухгалтерской отчетности по заработной плате, утвержденной НКРКИ СССР в развитие вышеперечисленных постановлений *).

Всем губ. (обл.) судам и прокурорам надлежит в самый кратчайший срок поставить в известность подведомственные органы о безотлагательном доставлении отчетов по зарплате, разослав формы всех требуемых инструкцией отчетов.

Полученные отчеты с мест сводятся в общие отчеты по губернии, сначала помесячно, а затем и поквартально, и направляются в Народный Комиссариат Юстиции не позднее одного месяца по истечении квартала, с таким расчетом, чтобы НКЮ имел возможность произвести общую сводку в течение оставшихся 2-х недель для представления общего по ведомству отчета в подлежащие органы в установленный срок.

В виду того, что инструкция вышла поздно из печати и принимая во внимание то, что все сроки за 1-й квартал и 2-й пропущены, отчетность за старое время необходимо прислать в кратчайший срок, во всяком случае, не позднее 15 июля 1925 г., истребовав ее от подведомственных органов; отчеты же за 3-й квартал подлежат высылке к 1 августа 1925 г.

Работа по составлению отчетов должна быть выполняема нормальным аппаратом учреждения, без увеличения штатов. Ответственность за невыполнение означенного распоряжения возлагается как на возглавляющее лицо учреждения, так и на заведующих бухгалтериями в губ. и облсудах и бухгалтеров прокуратур.

За Народного Комиссара Юстиции и
Прокурора Республики Крыленко.

20 мая 1925 г.

*) Разослана особо всем губ. и облсудам и прокурорам.

Циркуляр НКЮ № 104.
НКВД № 225.

Всем губ. и обл. судам и прокурорам. Губ. и обл. административным отделам.

Об изменении циркуляра НКВД и НКЮ № 367 за 1924 г. о порядке зафиксирования и обеспечения органами дознания гражданского иска.

В частичное изменение циркуляра НКВД и НКЮ от 23 августа 1924 г. за № 367 о порядке зафиксирования и обеспечения органами дознания гражданского иска, объявляется новая редакция п.п. 6, 7 и 9 названного циркуляра:

П. 6: «Постановление об обеспечении иска в каждом отдельном случае обязательно должно быть представлено на утверждение следователю того участка, в районе которого находится орган дознания, если дело должно быть направлено в порядке 3 п. 105 ст. УПК, или в нарсуд, если оно направляется в порядке 2 п. 105 ст. УПК».

П. 7: «Во исполнение утвержденного постановления об обеспечении иска, ведущий дознание описывает и арестует служащее обеспечением имущество, руководствуясь правилами, установленными ст.ст. 271—298 УПК, при чем оставление арестованного имущества в распоряжении обвиняемого может допускаться лишь в исключительных случаях, когда у должностного лица, производящего опись, не возникает сомнений, что это имущество будет скрыто или растрачено».

П. 9: «По тем делам, наказание по коим сопряжено с конфискацией имущества, ведущий дознание, если есть основание опасаться сокрытия имущества подозреваемого, принимает по предложению суда или следователя, а равно по собственной инициативе, но с санкции следователя по делам, подлежащим направлению в порядке п. 3 ст. 105 УПК, или нарсуда по делам, направляемым в порядке п. 2, ст. 105 УПК, меры к охранению этого имущества применительно к вышеизложенным правилам».

Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Болдырев.
Народный Комиссар Юстиции Курский.

19 мая/23 апр. 1924 г.

Циркуляр НКЮ № 105.
НКФ № 1050.

Наркомфинам автономных республик, уполномоченным наркомфинам, заведующим край, обл. и губфинотделами РСФСР.

Областным и губернским прокурорам.

О порядке рассмотрения жалоб о возврате штрафа за неуплату сельхозналога 1924—25 г.

В виду неоднократно повторявшихся случаев рассмотрения жалоб на неправильное наложение штрафа за несвоевременную уплату сельхозналога и постановления решений по этим жалобам местными финансовыми отделами, Народный Комиссариат Финансов и Народный Комиссариат Юстиции РСФСР в исполнение постановления Совнар-

кома РСФСР от 21 апреля 1925 г. раз'ясняют, что жалобы на неправильное наложение штрафа за несвоевременную уплату сельхозналога 1924—25 г. или на установление слишком большого размера этого штрафа, а также вопросы о возврате его, рассматриваются уездными или соответствующими им налоговыми комиссиями.

Постановление уездной или соответствующей налоговой комиссии может быть обжаловано в двухнедельный срок

со дня об'явления этого постановления жалобщику в губернскую или соответствующую ей налоговую комиссию.

Зам. Народного Комиссара Финансов Р. Левин.

Зам. Народного Комиссара Юстиции и

Стар. Пом. Прокурора Республики Крыленко

21 мая 1925 г.

Раз'яснение пленума Верховного Суда.

(Протокол пленума № 6 от 4 мая 1925 года).

О порядке направления судом уголовных дел, подлежащих рассмотрению в административном порядке.

Раз'яснить Ульяновскому губсуду, что в случае, если выяснится на судебном заседании, что инкриминируемое деяние подлежит рассмотрению в административных органах, надлежит дело в уголовном порядке прекратить и передать в административный орган на рассмотрение.

О 455 ст. УПК и квалификации уклонения высылаемых лиц от явки к избранному ими месту жительства.

В целях регулирования исполнения приговоров, по которым в силу 49 ст. УК определена высылка, пленум постановляет:

- 1) Признать целесообразною посылку копий приговоров в местные административные отделы;
- 2) Лица, уклоняющиеся от явки к избранному ими ме-

сту жительства, подлежат привлечению к уголовной ответственности применительно к 10 и 95 ст.ст. УК.

По протесту Прокурора Республики на решение нарсуда 3 района Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии по делу о восстановлении в избирательных правах гр-н Анисимовых, Петра и Василия, по вопросу о подееудности данных дел нарсудам.

Принимая во внимание, что дела о восстановлении лиц в избирательных правах, лишенных таковых по конституции или избирательными комиссиями, не подсудны судебным учреждениям, а подлежат разрешению вышестоящих избирательных комиссий или других соответствующих административных органов, решение нарсуда 3 района Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии 18 июня 24 г. по делу Петра и Василия Анисимовых отменить и дело производством прекратить.

ОТ РЕДАКЦИИ.

1. Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.

2. Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.

3. Непринятые рукописи авторам обратно не возвращаются.

Для ответов на всякого рода запросы должна быть приложена почтовая марка.

4. Гонорар получается в редакции самими авторами. Ингородским высылается за вычетом почтовых расходов, если указан точно адрес.

Издатель { Юридическое Издательство НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.